

Алексей АКИШИН

*с. Павино**Костромской области*

Рассказы из повести

«Осколки»

Пож с каповой ручкой, или Утопленник

Накануне вечером Валентина Криницина всю деревню на уши поставила. До самых крайних домов доносился ее громкий и звонкий голос: из матушки в мат чихвостила своего мужика, да так грозно, что даже деревенские собаки разом притихли и в подворотни забрались. Такие головомойки Валентина уже устраивала своему Николаю, но в этот раз так разошлась, что от него, как от петуха, даже перья, наверно, летели. А из-за чего она такую крутую кашу заварила, никто не ведал, да и сама потом не могла ума приложить. Заводилась с пол-оборота, только слово одно поперек ее, а тем паче взадир — и понеслась она по кочкам. Кучу арестантов наговорит, всех святых и несвятых в одну кучу свалит вперемешку с матами, да настолько крепкими и многоэтажными, что у иных деревенских пьянчуг и драчунов уши вянут.

Николай не перенес такого. Надо же, Валька ему посреди всей деревни разгон из-за какого-то пустяка устроила. И утром, пока она на ферме с коровами управлялась, ушел из дома. Исчез тихо, незаметно — будто сквозь землю провалился. В какую сторону подался — ни стар ни мал не видели.

Валентина в колокол бить не стала и даже не собиралась. Рассудила это по-своему: «Как ушел, так и придет». Куда, мол, от меня денется? Все равно, кроме меня, никакой даже растрепы или заряпы не найдет, не говоря уж о бабах путевых. Но все же и чердак, и сеновал ошмонала, другие все закутки проверила — не удавился ли где сторяча?

Прошло уже дней пять. Валентина ходит как в воду опущенная, глаза от деревенских соседей поглубже в платок прячет и уже сама себя казнит, что жизнь такую мужику устроила. Придет домой — и словом перекинуться не с кем. Завтрак ли, обед ли сготовить — душа не лежит, да и одной за столом непривычно как-то — кусок в горло не лезет.

А утром деревню разбудил вопль Валентины — ревела во всю головушку. Выскочила на дорогу, упала в бессилии, будто куль, и было не-

понятно — то ли она волосы на себе рвет, то ли по дороге суматошно кулачками колотит, словно пыль из подушки пуховой выколачивает. В руках у нее записка — под клеенкой толь-толь наша. Взяли мужики скомканную бумажку, расправили, читают, заглядывая друг к другу через плечо. А там написано: «Валя! Я так жить боле не могу. Ушел топиться. Ружье потом отдашь зятю Ваське, полушубок пусть Митька возьмет себе. Он давно глаз на него целил. Остальное — решай сама. Но не скупись, мне уже ничего не надо. Ищите в реке. Николай».

Бабы Валентину пчелами облепили, напыжились, подняли ее на ноги. Кто-то слезы ее, градом катящиеся, платком вытирает, кто-то пытается успокоить ее, уговорить, что, мол, может, и не утоп вовсе, а напугать так решил. Мужики в сторонку отошли, свои пересуды ведут.

Митька Кривой, которому утопший свой полушубок завещал, — грудь колесом, с видом знатока заявляет:

— Багры надо брать и во всех курпагах¹ прошуровать...

— И сеть не помешает, — подсказывает кто-то другой. — Заодно и рыбы наловим! Сгодится...

— А где искать будем? За столько ден его вода могла к черту на кулички унести... Она же позавчера после дождя ох как дыбилась!

— С верхов, с верхов идти надо...

— И смотреть, главное, мужики, во все глаза. Могло и под коряжину затащить хоть бы хны...

Кумекали мужики недолго, потом пауками разбежались по деревне — багры за амбарами да дворами шукать. Тройку багров нашли, да и то один насаживать пришлось — сгодилась для этого жердь, выгашенная из огорода. Плачущую Валентину женщины в дом силком затащили, но она, глядя на суетящихся мужиков, пыжилась и рвалась к ним, сама хотела пойти на поиски утопшего. Но после стакана-другого воды-сукропицы с валерьянкой угомонилась, голосить во всю головушку перестала, но все равно талдычила одно по одному: «Ухожусь! Без Коленьки жить не стану! Найдут — в том же омуте себя ухайдакаю!»

Бабы на ферму мухами слетали — зятю Ваське в Шарью позвонили, приезжай, мол, срочно! А что и к чему, ни словом не обмолвились и даже

не намекнули, будто воды в рот набрали — зачем, дескать, до поры до времени молодых от ума отставлять. Приедут — сами разберутся!

Зять у Кринициных с тестем и тещей ладил. Он после звонка в сию же минуту лыжи в деревню наострил — нанял знакомого шофера, и пыль столбом за ними — туда помчался. Весть такая была для него как обухом по голове, ошарашила Ваську, но пришел в себя скорехонько. Мужик — он еще та петля, в различных переделках с детства бывавший, — записку тестеву пробежал глазами, на обратную сторону ее мельком глянул и, не найдя там ничего, хмыкнул себе под нос, а потом к теще, которая была похожа на потухший, но пока еще не остывший вулкан, который в любой миг мог выплеснуться наружу, подошел:

— Не плачь, мамаша, не губи себя. Раз мужики пошли, да с баграми, — найдут, значит. Речка-то у вас пустычная, местами воробью по щиколотку — и то не будет. Я уж с ними не пойду, без меня ватага. Надо кому-то и к самому худшему готовиться... Поеду пока домовище закажу да к столу прощальному чем-нибудь запасусь...

Вышел на улицу — только его и видели.

...Мужики гуськом втягивались в лес, дышащий свежестью и утренней прохладой. Впереди в широких облинявших галифе вышагивал Дмитрий Сорокин. В мыслях он уже примерял на себя завещанный Николаем полушубок: «...В самую пору будет». За ним тянулись остальные. Меж мужиками маленьким рыжим и конопатым бесенёнком крутился сын Дмитрия Сорокина — Мишка, который нынче пошел на второй круг в четвертом классе. Оставили было на осень, а он, вместо того чтобы учебники штудировать да зубрить, все лето собакам хвосты прокрутил да пробалбесничал. Пришел к учителю в конце каникул и ни бе ни ме не мог сказать. Так и оставили на второй год.

Дорогой мужики изредка перекидывались своими томными думами о случившемся...

— Нелепо как-то... Несураз получился...

— Какой несураз? Тебя бы поездом баба ела денно и ночью, не так бы рассосуливал. Валентина его сама головой в омут сунула, а теперь вот слезы на кулак мотает...

— А может, еще обойдется. Вон в Шарье мужи-

¹ Курпага (диал.) — яма в реке.

ка месяц искали, уже сороковины хотели ладить, а он потом заявился как ни в чем не бывало. В другом городе у бабы другой ошивался и жил — признаёт, как у Христа за пазухой. Может, и Колька сейчас где-то — сыт, пьян и нос в табаке...

— Ладно, мужики... Хорош балаболить. Дело серьезное — тут не до хихонек да хахонек. Да и пересуды всякие ни к чему, не ведаем ведь, с чем обратно обернемся...

Около моста остановились, думая, откуда, с каких ям и омутов начинать баграми шарить. Мишка, заломив по-залихватски кепку на самый затылок, крутился юлой подле мужиков, забыв про свой скинутый уже с плеч портфель.

— А ну марш в школу! — цыкнул на него отец и хотел было сопроводить свои слова подзатыльником, но озорник ловко увернулся. — Давай-давай, иди! Да веди себя по-людски, а то снова жаловаться начнут учителя — на уроках сидишь, как сорока на коле! В одно ухо залетает, в другое вон вылетает! Прошлый год дурака провалял, нынче хоть за ум-разум возьмишь... Ну, чего? — отпровадив Мишку легким шлепком по спине на другую сторону моста, обернулся он к мужикам: — Начнем! Отсюда и до Серафимовых вершей — дальше идти толку не будет! У него там загорожено — ни одна малявка не проскочит, а ежели утопленник, то тем паче. Либо здесь где-то, либо... — задумчиво почесал он загривок и махнул рукой. — Пошли! Меледить нечего.

Тени от стоящих на берегу деревьев уже выпрыгнули, словно озябли в холодной сентябрьской воде, на увядающую траву, стали короче, а потом и вовсе сошли на нет. К этому полуденному времени мужики проботали и пробагрили почти все мало-мальские омота и глубокие узкие перекаты. Вымокли донельзя, вода в сапогах хлюпала, а толку никакого — окромя коряг да топляков из реки ничего не выщепили. Но время пролетело быстро — только что было утро, а и глазом не успели моргнуть — солнце уже на запад намыливается.

Мишка тоже не заметил, как подошла последняя перемена. На первом же уроке он схлопотал парашу — домашнее задание не сделал, хотел было у круглой отличницы Наташки слизнуть, но та и тетрадку со стола в портфель поглубже от него спрятала. За это он ей пока-

зал язык и рожицу скорчил, а потом, когда Наташка отвернулась, озорник больно теребнул ее за косичку. Она в отместку шандарахнула его со всего маху портфелем по рыжей включенной, похожей на осеннюю болотную кочку, шевелюре. Прозвенел звонок. Мишку вызвали к доске первым. И... двойка!

Обратно шел косолапя, будто медвежонок, а перед Наташкой оттопырил уши, показал ей язык, поравнявшись с ней, саданул отличнице по горбине. Она выгнулась в три погибели, а затем уткнулась в парту, завсхлипывала. До своего стола Мишка не дошел, учительница тут же завернула его, быстро и размашисто написала что-то в его уже потрепанном дневнике и грозно приказала выйти из класса.

На перемене к нему пристал самый рослый в классе Сережка Тузов, заступившийся за обиженную Наташку. Но Мишка — калач тертый! Он даже с ребятами и постарше, и посильнее его в переплетях не раз бывал. А потому, не рассосудливая и не прислушиваясь к Сережкиным словам, дал ему зуботычину, ловко проскочил у него под мышками и бросился наутек по школьному коридору. В классе появился только после второго звонка.

На других уроках он сидел как окаменевший, дремал, подпирая голову ладонями. А на предпоследнем вспомнил про дядю Колю, которого мужики всей деревней искать с утра отправились. Его будто шилом ткнули: закрутился за столом, поглядывая на улицу. Мишка был похож на встревоженную птицу, готовую вот-вот сняться с насиженного места. И при первых же звуках звонка он с портфелем в руках пулей сорвался с места и, сшибая всех и все на своем пути, бросился к выходу. Вслед доносился писклявый Наташкин голос:

— Смотрите! Смотрите! Сорокин с урока сбегает...

Но остановить его уже никто не смог. Он в пиджаке нарастопашку был похож на летящую птицу, мигом миновал деревню и прямушками бежал к лесу, за которым его надвое рассекала река. Где-то там должны быть и отец, и все деревенские мужики. А может, нашли дядю Колю и домой воротились? От такой мысли он даже нахмурился и поморщил-

ся. Ему захотелось так: если кто-то другой найдет, то он первым бросится в обжигающую холодом воду и вытащит его на берег...

Редким белоствольным березняком Мишка шагал быстро и широко, размахивая своим тощим портфелем — учебников второгодник не носил в школу: «А зачем, я и так их все наизусть знаю. Прошлый год еще все прочитал...» Шел, мечтая и раздумывая о своем будущем подвиге.

Неожиданно рядом с дорогой он увидел тлеющий костерок и стоящего подле него мужика в длиннополом до пят плаще. Мишка вздрогнул, остановился на полушаге. Бежать или прятаться было уже поздно. Незнакомец, не откидывая напыленного по самые глаза капюшона, жестами звал его к себе. Мальчишка стоял настороженно, в нерешительности, как нахохлившийся воробей — взлететь или не взлететь? Но, когда тот открыл свое лицо, Мишка дико крикнул, швырнул в сторону портфель и бросился наутек.

А вслед ему доносился громкий и знакомый голос:

— Мишка! Не бойся! Да это же я! Постой, не убегай!

Мальчишка обернулся и сбавил ход, потом робко остановился, всматриваясь в лицо вышедшего из леса незнакомца. А тот уже сам неторопливо подходил к нему ближе и ближе.

Мишка таращил на него глаза, робко вполголоса произнес:

— Дядя Коля, это ты?

— Я самый, — с улыбкой ответил тот и присел перед мальчуганом на корточки.

— А ты че? Не утоп, что ли? — все еще в растерянности спросил Мишка.

— Да нет, передумал. Пойдем-ка к костру, поговорим, картошкой печеной угощу...

— Вынырнул, что ли? Тонул-тонул и на берег выкабалкался... Да?

— А-а-а, — махнул рукой Николай, — считай, что так получилось. Все еще не веришь? — усмехнулся он. — Ну на, пощупай... Живой я, живой! А ты с перепугу хвост сразу в промеж ног и стрекача! Вроде бы ты парень-то не из робкого десятка... Сумку потом свою подбери, а то и двойки носить больше не в чем будет.

Николай взял в руки палку, пошерудил ей в прогорающем костре и выкатил из дышащих

жаром углей несколько картошин, взял одну из них, будто жонглер, поперекидывал ее из руки в руку и протянул Мишке:

— Бери, горячая — не обожгись!

Мальчишка взял черную как уголь картофелину, подул на нее, взял у дяди Коли большой нож с толстой каповой рукояткой и начал оскрабливать ее до коричневого цвета.

— А я с кожурой! — оживился он и захрустел картофельной корочкой. — Так вкуснее...

— Ну, как там, в деревне? Как Валька у меня?

— Вчера утром рывкала, на дороге в пыли валялась. А мужики на реку сиганули — тебя искать. А ты, — откусил он дышащую паром картофелину, — выплыл уже. Скажу им — вот обрадуются!

Мальчишка что-то затараторил еще, говорил с набитым горячей картошкой ртом невнятно, неразборчиво. Но Николай не переспрашивал, не вникал в его бормотание. Он уставился на безоблачное голубое небо и думал о своем.

— М-да-а, белугой, значит, рывкает, землю руками перегребают... Ничего-ничего, может, поумнеет. А то думает, еще одна жизнь у нас впереди. В первой собачиться можно, народ честной веселить, а во второй — жить душа в душу, как сыр в масле кататься. Нет, милая, так не бывает! Второй жизни не будет... Надобно в этой как след жить. Поэтому это тебе впрок будет. Авось, да и ума-разума наберешься... А мужикам, — повернулся он к Мишке, — пока ни гугу. Даже дома, что меня видел, и слова чтоб единого не было. Я еще день отсижусь в лесу и потом выйду. Сам сдамся...

— И ночь здесь сидеть будешь? — сверкнул Мишка глазами. — А волки?

— Да никого тут нет! Ни днем, ни ночью... А если и есть, то даже близко не подойдут. Лесное зверье, хоть волк, хоть медведь, — существа боязливые.

— А можно я к тебе на ночь прибегу? Костер жечь стану, дрова запасать, — уставился он на своего собеседника в ожидании ответа и для пущей важности добавил: — Я уже с ночевкой на рыбалке два раза был. И не спал даже...

Николай лениво помотал головой и присел перед ним на кукорки:

— Нет, Миша, на ночь не прибегай. Иди сейчас домой и никому ни гугу обо мне. Посмотри,

как там баба моя: убивается или уже перестала. Завтра в этом же лесочке встретимся. Да, картошин пяток, ну десяток захвати, но втихаря, чтобы никто даже краем глаза не видел. И, — прижал он палец к губам, — ни слова, что со мной виделся. Слово даешь?

— Я маленький, что ли? Слово даю — никому не выдам! — бодро ответил Мишка и направился на дорогу.

— Чушку свою на реке вымой, исчумазился — как негритенок, черный!

— Умоюсь! — поднимая портфель, бросил Колька. Потом крикнул: — Дядя Коля! А можно я дневник у вас оставлю? А то мне училка там что-то накалякала. Дома ругаться будут...

— Оставляй! Никуда не денется — не искурю же! Опять набедокурил?

Мишка только махнул рукой и полез в портфель за дневником.

— А завтра вместо батьки распишешься? — склонив набок голову, хитрым бесенком выпалил Мишка.

— Распишусь! Беги! Да найди заделье — к нам забеги: что там творится?

Мишка, избавившись от тяжелого для него груза-дневника, быстро замельтешил меж хлипких березок и скрылся вовсе.

В тот же вечер Валентина на всех парах сбегала в соседнюю деревню, где доживала свой век старая полуслепая Нюрка-Захариха. Когда-то она была могучая, занималась знахарством, приговорами. Народ к ней тогда валом валил. Потом, когда сил не стало по полям да лесам собирать травы, слава ее начала угасать. Но поговаривали, что она на картах невестам деревенским женихов выгадывает. Вот Валентина и ринулась к ней сломя голову, пусть карты и на Николая раскинет.

Захариха то ли не в духе была, то ли в самом деле хворь ее в этот день прихватила, сначала отнекивалась и даже руками отмахивалась: не могу, мол, стара стала, ничего теперь в картах не разумею. Валентина уж перед ней на коленки встала, поклоны отвешивает.

— Ладно, — не устояла перед ее мольбами знахарка, — достань-ка карты с комода. Пыль хоть с них стряхну — год, наверное, уже в руки не брала...

Валентина вопрошающе смотрела на Захариху, а та ловко разбрасывала карты по столу и беззвучно шевелила губами. Потом собрала всю колоду в кучу, перетасовала и все начала по новой...

— Так, хозяйюшка, — наконец-то обмолвилась знахарка, — в реке своего хозяина не ищи. По картам воды у него рядом нет...

— Живой?

— А вот этого я сказать не могу. Кабы карты новые были, тогда — может быть, да и то навряд ли... Но одно точно: реку мутить не надо, хозяин твой к воде даже не подходил и следов его в ней нет.

— А где же он? Живой? — повторила вопрос Валентина

— Сказать не могу, — пожала плечами Захариха. — Карты про это ничего не показали.

— А если новые принесу? — с искрой надежды проговорила Валентина. — Ну, хотя бы живой ли...

— Не игранные надо, а где ты сейчас найдешь? Да и потемки уже...

— Завтра с утра в лавке куплю и прибегу. Может, скажут, жив ли и где он?

— Сулить не буду. Но приноси, саму интерес взял — попробуем узнать, где твой хозяин блудный...

Утром Валентина ни свет ни заря известила всем мужикам: в реке, да и вообще в воде, мужа ее искать не надо. Захариха, мол, так и сказала, что это мартышкин труд, только реку зря баламутите. К воде он и близко не подходил... А сегодня скажет точнее, где он.

— Может, живой еще, а, мужики? Может быть такое? Продавщицы еще нет. Карты Захарихе новые надо, тогда и посулилась обо всем поведать... Побегу за ней сбегать — чего она сегодня долго телится! Пора бы и открыть...

— Да ты на время-то посмотри, — одернул ее кто-то из мужиков. — До девяти еще час целый...

— Нет, приведу ее... На час и раньше появится, ничего с ней не сделается. А меня Захариха, наверное, уже заждалась, все окна просмотрела, — бросила Валька на бегу и скрылась за поворотом в проулке, где жила продавщица.

Мужики, собравшиеся было снова спровадиться по речным омутам, скучились, судачили всяк по-своему.

— Да к родне куда-нибудь подался — водки на халяву попить. А Валька тут сама с ума сходит и нас с панталыку сбивает. Нагостится — прикалится, будто красно солнышко...

— Гадалкам этим я не особо верю. Но чего нагадала, то нагадала. Годить будем — по реке пока не станем шариться...

— Руки предлагаешь сложить, как школьник-первоклассник... А может, он где-то в бане обосновался или на сеновале, а может, упаси бог, нарушил себя: пулю в себя пустил или петлю на шею надернул. Искать, искать, мужики, надо. Чего сиднем сидеть будем? Все равно душа-то болит — как-никак мужик был, и неплохой.

— Я, мужики, на реку ходил, а вот по чужим баням да поветям — убей, не пойду и в свои закутки никого не пущу. Они у меня на замках...

— На реку ходил? Да ты постыдись хоть! Никого ты не искал и о Кольке, наверное, нисколечко и не думал. У тебя одна рыба в голове была...

— Давайте так сделаем: подождем Валентину. Сбегает она к Захарихе, а вдруг что-нибудь путнее узнаем. А что мы, как котята слепые, туда-сюда мыкаемся. Может, подскажет.

Так и решили. Одни остались на улице — стоят, дым колечками пускают, лясы-белясы разводят, другие мужики по домам отправились — делами домашними занялись. Но те и другие с дома Кринициных да с дороги глаз не спускают, ждут, когда Валентина от знахарки прималахтает, новостей свежих принесет.

Мишка на этот раз не стал дожидаться мужиков, когда они соберутся на реку. Некоторые уже начали подтягиваться к их дому. Он незаметной серой мышкой прошмыгнул между ними и спешно, не оглядываясь, посеменял на окраину деревни, откуда дорога выплескивалась на овсяное поле и вела к лесу.

— Смотри, — шутили мужики над Мишкиным отцом, — сынок твой, как академик. Книг в портфель натужил — аж еле волокет! Ноги нарасшарагу, и самого беднягу избоченило, загнуло, как гвоздь ржавый — в три погибели! Да же жалко мальчика.

Отец шутку эту за похвалу принял:

— Исправляется, знать. Не в каждом же классе по два года сидеть. А то ведь совсем обленился — лоботряс лоботрясом. За ум, видать, берется.

— Глянь-ка! — громко раздался чей-то голос. — А бежит как! То ли и в самом деле школа в радость стала, то ли ты, Митяй, сегодня его березовой кашей потчевал.

— Да нет, ничем не потчевал, и даже речи об учебе никакой не было, дневник не смотрели. Дела-то такие — не до этого. Может, контрольные уже пошли или уроки открытые. Быстро сегодня собрался... Спешит-ит, — с особо подчеркнутой гордостью завершил Митяй.

Николай уже поджидал Мишку, встретил, перехватил из его рук непосильный для мальчишки портфель. Они не спеша пошли к уже прогорающему костру.

— Как там дела, в деревне? — пристально заглядывая прищуренным взглядом в глаза мальчугану, торопно, не доходя до кострища, начал свои расспросы Николай.

А Мишка будто не слышал. Он уже сидел у костра и обгорелой палкой вовсю разгребал раскаленные угли. Потом раскрыл свой портфель и перевернул вверх дном. Из него с глухим стуком посыпались картошины — книг и тетрадей не было.

— А можно я здесь у тебя побуду и в школу не пойду? Чего там?

Высунув от удовольствия кончик языка, он мурлыкал что-то себе под нос и одну за одной бросал картошины в самое-самое пекло, а потом заботливо огребал их поверху золой и еще тлеющими углями.

Николай, не дождавшись ответа, переспросил.

— А-а-а, — махнул рукой мальчишка. — Ничего особого. Мужики стоят руки в брюки посреди деревни. Балаболят чего-то, но я не слышал. Но на реку похоже и не собираются...

— Прознали? А ты никому не сказывал?

— Дядя Коля, да неужто я стану тебя предавать! Никому не говорил...

— И дома?

— И дома молчал...

— А никто не видел, что ты вместо учебников картошки почти полмешка нагрузил? Может, видели и смикитили...

— Да никто не видел, — уверял озорник. — Давай на спор! — протянул он Николаю распростертую руку.

— Ладно, верю. А тетя Валя? Она как?

— Утром, видел, у магазина крутилась — продавщицу, может, ждала, а может, так приходила. А потом быстро-быстро куда-то убежала... Не домой — куда-то за деревню устрекотала.

Мишка примолк, снова присел на корточки и с увлечением стал ковырять палкой дышащее жаром кострище.

— Да, — обернулся он к дяде Коле, сверкнув озорными веселыми глазами, словно собирался сообщить самую важную и радостную весть. — К вам Васька приезжал в гости...

— Какой это Васька? — встревожился Николай и сразу же переменялся в лице.

— Ну тот, который прошлое лето с вашей Зинкой приезжал. Кто он вам будет? Зять? На машине приезжал. За рулем, правда, не он был. Какой-то другой незнакомый дяденька...

Николай хотел что-то спросить, но поперхнулся, закашлялся, тут же собрался с силами и процедил сквозь зубы:

— А сейчас он где?

— Да уже нет — сегодня раным-рано уехал. Тетя Валя ушла, а потом и они укатили. Так что не увидишь своего... зятя.

После этих Мишкиных слов Николай забормотал что-то себе под нос, заходил взад-вперед подле костра.

Мальчишка, как мог, решил его успокоить:

— Не переживай, дядя Коля. На будущее лето, может, снова приедет, а то и зимой...

Но Николай уже не слушал мальчишку, он резко остановился, будто паровоз под стоп-краном, тяжело дышал.

— Слышь, Мишка! — рубанул он воздух растопыренной пятерней. — Ты хоть здесь оставайся, хоть в школу правься, а мне домой надо! Побегу — будь что будет! Мужики — те в шкуре моей, хоть и не так часто, тоже бывали — поймут. У баб языки поганые! Вот беда... А, была не была!

Он, как бегун на старте, быстро сорвался с места и скрылся в уже рыжеющем березняке. Мишка непонимающе посмотрел ему вслед. В школу он решил не ходить. У костра вкусно пахло свежей печеной картошкой...

...Дважды уже Захариха раскидывала новые, отдающие лаковым блеском карты, накрыла их

ладонью и уставилась взглядом куда-то в сторону. Валентина, затаив дыхание, страшилась того, что сейчас сорвется с уст знахарки. А вдруг самое плохое?

Захариха помолчала и неторопливо начала:

— Не убивайся, хозяйюшка, причин для этого нету. Карты говорят, жив твой муженек. Сейчас около него какой-то валет крутится. Интересы какие-то у них общие. Не супротивники они, интересы хорошие, червовые. Но он очень чем-то недоволен или сердится...

— Так это, может, на меня он гневится. Наскочила на него, как змея подколодная, ни за что ни про что. Так живой, значит?

— Живой, живой! И не ищите — сам придет. Валет, который сейчас около него, и выведет...

— А что это за валет?

— Вот этого никто не знает. Какой-то молодой человек, а кто он — даже карты не подскажут. Потом все выльется само собой на свет божий... Живой, живой! Ну, иди с богом!

Едва за деревней замелькала темная косынка Валентины, мужики, будто тараканы из щелей, повывлазили из своих домов, оставшиеся на улице перестали подпирать огороды и стали медленно и боязливо выходить на дорогу.

— Живой! Живой! — на ходу известила на всю округу Валентина радостным криком. — Захариха говорила, — подбежала она к мужикам, — живой, живой он! И не утоп вовсе! Вот радость-то какая! И искать, сказывала, не надо. Сам придет, да и с товарищем каким-то молодым!

Мужики тесно сгрудились, из изб на радостный крик Валентины подтянулись и бабы, наперебой подступили к ней с расспросами, с едкими и язвительными упреками и укорами.

— Неужто нашелся? Ну, слава богу...

— Ну-ка, что там Захариха наколдовала?

— Сама виновата — в щель мужика загнала! Самой с такой хандрой с веревкой бегать или камень на шею повесить да на омут прямиком. Дал бог мужика смиренного, так она веревки из него вьет, ни за что ни про что не считает. Смотри, девка, как бы локти свои потом кусать не довелось...

— Что мы как дети малые! Мало ли что там Захариха намолочила — язык-то без костей. Му-

жика-то нет — идти надо искать. Реки осталось пройти — всего ничего!

— Понравилось? Мы с баграми таскаемся, пупы с корягами надрываем, а ты сети, как ба-рин, свои раскидываешь и сидишь рыбу караулишь. Поисковик тоже нашелся! На чужом горбу в рай едешь...

— А ты на себя посмотри! Кто у Николая вчера жерди спер? Не ты, скажешь? Так я же видел! Не успел мужик кони бросить, попёр сразу!

— Да ну тебя! Несешь какую-то околесицу! Тьфу! Слушать неохота...

— Что хотите мелите про Захариху, а я рассу-жу так: хоть у ней и душа еле в теле, и на глаз она слаба, но по этой части — что заговорить, что нагадать — крепкая. Много, видать, знает. В том разумеет, в чем нам, грешным, не дано, не по зубам, значит.

Мужики и бабы расшумелись, будто торговки на базаре. И вдруг все стихло, пронесся по толпе робкий шепот:

— Смотрите, смотрите! Идет! Бежит даже! Что его, гонит кто-то, что ли?

Все замерли. По овсяному полю прямушка-ми к деревне бежал косматый Николай с фуражкой в руках. Бежал быстро, размахивая руками. Он и в самом деле будто уходил от неотстающей погони, которая вот-вот настигнет. Но не оборачивался. И только это выдавало: за ним никто не гнался и даже не подгонял.

В толпе запереговаривались:

— Чего это он?

— А ты его шкуру примерь на себя. Срамно перед людьми — такой переполох устроил! Вот и бежит сломя голову... Хорошо еще — рожу берестиной не закрыл. Тогда бы и вовсе не узнали.

— Не ерничай! Может, с Колюхой беда, издевки тут ни к чему. Может, с катушек слетел, полоумным стал. Тогда вот Валюхе придется лиха хватить, прежняя жизнь вообще раем покажется...

— А ее и не жалко ничуть. Сама мужика до каления белого довела, со света чуть изжила, дура надутая!

— Не галдите! А то раскаркались на всю округу! Если он и свихнулся, то наверняка медведь на ухо ему не наступал — чует все! Хорош мужику кости перемывать. И хихоньки-хахоньки ни к

чему! Бежит, значит, жив-здоров! А то, что про-изошло, — чепуха на постном масле, радоваться надо — человек-то жив!

Николай, заметив пляшущую на него толпу, остановился, остолбенел на мгновение, но, напялив до самых глаз кепку, круто повернул в сторону и огородами быстрым шагом посеменил к своему дому.

Толпа мужиков и баб молча провожала его замороженным взглядом.

— Валька, чего рот раскрыла! Беги встречай! Муж ведь. Только халку не разевай... Не надо сейчас, не надо. И слова в укор ему не молви: будто и не было ничего! Забудь это...

— Ну что, мужики, зенки не будем пялить: муж да жена — одна сатана! Сами разберутся. Расходимся, чай, не кино же крутят...

В избу Николай вошел, воровато оглядываясь по сторонам, тихо и незаметно. Жена уже сидела за столом напротив двери, скрестив руки на коленях.

— Ну что ты наделал, — вполголоса проговорила она. — Всю деревню на дыбы поднял...

— Да ладно! — отмахнулся Николай. — Сам себе места не найду — ретивое подвело. А что, Васька приезжал? Его-то кой ляд приносил?

— Как твою записку прочитали, так бабы и понеслись трезвонить, а я, горем убитая, как могла им поперек встать? Как пьяная была...

— Позвонили им, он тут же и прикатил. Один с товарищем. Жену, говорит, непустили до поры до времени, да и ему только день-два дали. Сегодня только обратно укатили...

Валентина виновато отвела глаза в сторону — боялась обмолвиться о том, что зять на похороны тестя уже и водки дюжину бутылок накопил, и даже домовище съездил заказал самое дорогое — так, мол, он его уважал...

Николай откинул занавеску, которая скрывала от глаз людских кухню.

— Вот стервец! Ружье увез. Даже ящик и тот уволок... Ты-то куда смотрела?

— А что я ему скажу? Записка твоя была? Была... Вот он и заграбастал его сразу, а то, говорит, в суматохе-то и сопрут — глазом моргнуть не успеешь. И увез...

Хозяин переменился в лице, помрачнел — туча-тучей, руганул себя под нос и, хлопнув две-

рями, выскочил из избы. Вернулся он скоро, угрюмый, молчаливый, будто корову продал и продешевил слишком.

— Да лучше бы он здесь и не появлялся! Ружье еще ладно — сам по дурости отписал. Так ведь в столярке моей теперь шаром покати, весь инструмент забрал, а что осталось — разбросано, будто там Мамай со своим войском побывал... И как только Зинка такого мота нашла? Неужто путевых женихов другие бабы всех расхватали, а ей барахло осталось. За порог теперь проходимца ни разу не пушу! Пусть к дому моему даже не подходит!

— Позвоним — может, вернет...

— Да уже ничего этого не вернешь! Знаю я его! Все уж, наверное, проюрнул и до дома своего не доез. Что ему в руки попало — считай, пропало. Пить-то на что-то надо...

— Все равно я позвоню, вытребую, может... А людям-то что говорить будем?

— Ты же меня до этого довела — вот и думай сама. Ты же все от ума отшибла.

— А записку зачем такую оставил? — повысила тон Валентина и тут же осеклась. — Чего мы перебранку из-за этого устраиваем? Давай скажем, что ты на Кузьминское болото ходил клюкву опровердать, да и заплутался... В лесу и ночевал. Только вот записку почти все в деревне читали.

Валентина задумалась и вышла из-за стола и, прикусив узг² косынки, заходила, раскачиваясь, словно утка, от стола к печке, от печки к столу...

— А ты скажи, что записку эту давным-давно написал, пошел, дескать, в огород и решил меня напугать. Я скажу, что вот только-только нашла — и весь сыр-бор загорелся — на всю деревню страху напустила.

— А поверят? Белыми нитками шьешь! Давай-ка нехитрый стол собери. Или мужики зря меня, душу пропашую, искали? А я пока в лавку доскочу, поллитровку-другую приберегу. Надо же их угостить. И позову всех заодно...

В доме Кринициных было тесно и гамно. Все деревенские мужики собрались. Водка, которую Николай принес из магазина, уже закончилась, но Валентина как будто в своей кладовке винную лавку заимела — выносила и выносила...

Мужики уже изрядно окосели, говорили наперебой, дружески постукивали Николая по плечу.

— Ничего, Колюха, впредь наука. Без компаса в лес больше не забирайся. А ты без него да еще куда маханул — мог бы и вовсе сгинуть. Кто бы тебя там нашел? Никто! То-то и оно...

— А клюква ныне какова?

— Чего и спрашиваешь зря! Да тебя в такую даль палкой не загонишь и калачом не заманишь. Интересуется, будто пойдет туда...

— А возьму да и пойду! Напоказь тебе...

— Иди-иди, вот Николая я искал, а тебя — не пойду...

— Валентина-то чего записку ту долго не находила.

— Клеенки со стола мыть чаще надо. Там лежала...

— Это бы моя — та быстро б вынюхала. Я как-то деньги под клеенкой заначил, она их в тот же день выудила.

Под окном тихо подрулила машина-буханка, бойко выскочил шофер, забежал в избу и ошарашенно осмотрел всех за столом:

— Гроб привезли. Принимайте! А вы чего, уже похоронили утопленника? Быстро, однако.

Мужики заготовали гусями:

— Да ты чего мелешь? Какой утопленник? Да вон же он за столом сидит...

— Не по адресу приперся! Вези свою мебель обратно!

Николай встал из-за стола.

— Да это мое домовище! Зять с перепугу заказал! Тестя уважил... любимого. Пойдемте, мужики, выгрузим! А то чего ребят впустую гонять, да и деньги уже заплачены. Пусть на чердаке покоится — все равно пригодится рано или поздно...

Мужики, которые были еще могучими, вышли из-за стола, занесли гроб в коридор. На чердак поднимать не стали — Валентина не дала. Лестница, говорит, очень крута, а мужики пьяны — того и гляди, кто-нибудь обступится и в самом деле в ящик сыграет. Хозяин махнул рукой — потом, мол, сделается! Вот, дескать, на днях лук с грядок прибираться буду, тогда и заволочу. Лук в нем сушить буду — удобный сундук. А на зиму рябину наломаю и ею завалю...

² Узг (диал.) — кончик, край.

— А чего он и материей не обшит, из досок-горбылин скулькан кое-как и таких денег стоит? — вслух рассуждала хозяйка, бросая взгляд то на домовище, то на того, кто его привез.

— Какой заказывали — такой и сделали, — развел руками курчавый незнакомец, стоя одной ногой на полу, другой — на пороге. — Как заплатили, так и получайте! Ну что, мужики, бывайте здоровы!

А уже с крыльца, обернувшись, добавил:

— И не тоните больше! А надумаете — один лишь звонок, и любой ваш каприз исполним! Служба веников не вяжет! Наше вам с кисточкой!

Валентина чуть было не назвала сумму, которую дала зятю на домовище, но осеклась, закрыла ладонью рот, промолчала. Глаза ее сделались большими...

«Ох, Зинка! Волосья бы тебе все вытаскать! Такого пройдоху нашла... Да я бы его взашей вытурила и на пушечный выстрел к дому своему не подпустила. Что, подлец, делает! Ведь и тут-то прохвост стариков-дураков объегорил! Больше половины моих денег в свой карман умыкнул... Ая, дура битая, «Васенька — блинчиков, Васенька — водочки...» Тьфу! Палкой бы тебя, дубиной дубовой, сучкастой... Да по хребту, по хребту!»

Мужики уже снова всей своей ватагой сидели за столом: рассказывали друг дружке о том да о сем, спорили... У них уже и из головы давным-давно вылетело, по какому поводу такое застолье. Водка уже кончилась. Николай пальцем поманил хозяйку, показал на бурлящий говорливый стол, вполголоса умоляюще попросил:

— Смотри — пусто! Помышкой-ка по сусекам, неужто не наскребешь. Мужики-то в кои веки так вот у нас собрались... Ведь не бывало экого!

Валентина кивнула и мышкой быстро юркнула на кухню.

Никто сразу и не заметил: двери широко раскрылись и в избу испуганным воробьем влетел взъерошенный и чумазый Мишка с портфелем в руках:

— Дядя Коля по-о-о...

Недоговорив, Мишка вытаращил глаза и стал глотать воздух, как карась, выброшенный на берег. Дядя Коля сидел на краю стола и незаметно для мужиков подносил палец к губам.

— А зачем привезли? — мотнул он головой за двери.

Мужики загоготали.

— Дядя Коля лук в нем сушить будет...

— А потом тетя Валя сарафаны свои в нем хранить собирается...

— Ну-ка, сынок, подойди ко мне! — вытянулся из-за стола отец. — Покажи дневник, что за оценки сегодня принес?

— Дома покажу! — насутился Мишка. — Доставать неохота...

— Портфель давай сюда! Сам посмотрю...

Мишка хотел было дать дёру, но кто-то из мужиков сгреб его за шкварник. Портфель по цепочке от мужика к мужику быстро перекочевал в руки отца. Он раскрыл его, посмотрел строго на Мишку, пошарил внутри руками — ни книг, ни тетрадей не было...

Дмитрий с удивлением и строгостью в глазах посмотрел на сына, встал с места и опрокинул раскрытый портфель над столешницей, заставленной разными немудреными и наспех приготовленными закусками. В тарелки и мимо их посыпались черные, как уголья, печеные картошины, затем выпал большой нож с перепачканной золой и сажей каповой ручкой...

Мужики переглянулись и уставились на Николая, ожидая его реакцию на выпавший из Мишкиного портфеля нож. С ним Николай Криницин каждую осень не расставался ни на день — то лесовал, то ходил по деревне и свеживал поросят. И вдруг он ни с того ни с сего выпал из портфеля второгодника-двоечника... Неужто сопля малая и воровать еще научился?

Первым из оцепенения вышел Мишкин отец, лицо которого враз стало багровым, будто краской в его плеснули. Он со злостью швырнул опустевший портфель к порогу:

— Где нож взял? Картошка откуда? Учебники где? Дневник?

Он взял в руки выпавший из портфеля нож:

— Украл. Нам еще этого не хватало! В школе ни бельмеса не понимаешь, балбес, да еще и красть начал! Сегодня ты у меня получишь выволочку! Пороть буду, как сидорову козу!

На скулах у него багряными орехами заходили желваки. Мужики притихли и с опаской смотрели на него, похожего на разъяренного

зверя, готового к прыжку. Мишка сжался в комочек и боялся шевельнуться, но сыскося поглядывал на дядю Колю.

А тот, будто это и не его нож выпал из школьного портфеля, принял из рук хозяйки бутылку водки, передал ее мужикам:

— Да чего ты, Митяй, на него напал? Хороший у тебя парень! Разливай-ка, а я с Мишкой потолкую... — он встал из-за стола, обнял мальчугана за плечи и увел на кухню.

— Проучи-проучи его! Дери за уши, пока не отпадут! — кричал вслед Мишкин отец. — Да я еще дома добавлю как следует! Не жалеи!

Дядя Коля и не думал теребить мальчишку за волосы или уши. Он подвел его к комоду, вынул оттуда вазу с конфетами:

— А ну, оттопыривай карманы! Про нож-то я и забыл... Молодец, что принес...

Он сам рассовал конфеты Мишке по карманам.

— С ножом сейчас все уладим! Ты ни при чем будешь. Выкрутимся. А ты, — присел он перед мальчишкой и заглянул в его чуть ли не заплаканные глаза, — не винти, а батьке своему сразу всю правду скажи — о том, как встретились, как костер жгли... Он же добрый, поймет и сжалится. Но учиться, Мишка, надо как положено. Иди бери портфель да сигай домой!

Мальчишка, прикрывая ладошками набитые до отказа карманы, будто нахлестанный, выскочил из-за занавески, схватил портфель и выскочил за двери, бросив кроткий взгляд на отца.

— А ты, Митяй, зря на своего мальчика гневисься! — вышел с кухни хозяин. — Неплохой он у тебя! И нож он мой, — Николай взял его со стола и показал всем, — не крал. Это я... А впрочем, он тебе сам расскажет. Ты только не лупи — спроси его сначала.

— Тогда, мужики, давай на посошок по капельке — и по домам! Хозяевам тоже отдохнуть надо, — отлегло у Митяя. — А у Мишки я выпытаю, все выпытаю...

В деревне один за другим гасли огни. И только в двух домах долго светились окна — у Дмитрия и Николая. Последним выключил свет Николай Криницин...

— Ну, вот и все. Мишке, может, и не попало на

орехи. А узнают все... Так ну и что? Днем позже, днем раньше... Не забыть бы завтра с утра домыше на чердак затащить. Эх, Васька-Васька, сердце мое давно ныло — пройдоха ты, зять, пройдоха!

Он тихим ужом залез под одеяло. Но жена то ли проснулась, то ли еще не спала.

— Ты, Коля, о ружье сильно не горюй, — прошептала она. — Позвоню, а если не вернет, другое купим. Денег у нас с тобой хватит...

Деревню окутала мгла. И только сквозь пелену быстро бегущих осенних туч нет-нет да и заглядывали украдкой в окна домов яркие звезды...

Загадка природы

Письмоноска Надежду Павловну от ума отставила. Другим — газеты да письма, а ей новость подкинула: вечером самый главный ветврач района Михаил Николаевич прикатит и будет прививки курам от птичьего гриппа делать. Соседям от такой новости ни холодно ни жарко — у них в хозяйстве ни кола ни двора, вороны в огород и те, наверное, только в морковкино заговенье и залетают, да и то через раз. А Надежда Павловна месяц назад кур-молодок на рынке присмотрела и кавалера им — петуха рыжебокого. Сама на своем горбу в пестере домой притащила, три версты с таким грузом, как молодлица, без передыху малахтала.

Про хворь эту курью она уже наслышана была — по телевизору одно время о гриппе птичьем чуть ли не каждый день языки чесали да страхи божьи показывали — гусей и кур, как при инквизиции, заживо сжигают. А потом будто тряпчочкой рты позакрывали — не трезвонят на все лады про микроб этот коварный: то ли забыли, то ли вовсе грипп птичий — липа сплошная. И про прививки где-то краешком уха слышала, будто после этой самой инъекции внутри у кур все наперекосяк перестраивается: и ни яйца, ни мясо в еду не годятся! А потому хозяйка места себе не находит, голову ломает, как бы ей вместе со своими молодками от этой ветеринарской затеи откреститься. Куры кладутся уже всюю, петух по утрам горло дерет, соседей будит, а то они, засони, до

полудня могут храповицкого задавать. С курями у Надежды Павловны порядок полный, и ох как обидно и досадно станет, если завтра этот ветврач-живодер порешит их всех разом.

Сосед, который спокон веков нос в щель лобую совал, прознав про такую новость, колченогим серым тараканом тут как тут объявился, прибежал советом своим поделиться. Но ничего путнего от Петра Семеновича так хозяйка и не услышала — сказал только, что курей ныне держать опасно, так, мол, и самим недолго закудахтать и в ящик сыграть. А потому и вывод сделал такой: заводить нечего было, а если уж так получилось — топор в руки, головы их на плаху — и никаких сует! «Или другую идею подам: у меня ружьишко старое есть — можно воспользоваться. Ты, — говорит он хозяйке, — дичь свою бросай через поленницу в мой огород, а их влет бить буду! Только, — погрозил он пальцем, — сама не выставляйся, а то я на один глаз криветь начал, могу по оплошности и тебя таковой сделать, да и ружье у меня — давно не смотрено, погрешность допустить может. Но, поверь, дело говорю. Глядишь, и я как за рябками на охоте побываю, и у тебя никакой обузы, будто гора с плеч свалится!»

Боле слушать Петра Семеновича хозяйка не стала — силой вытурила из дома взашей, а на пороге даже ножкой топнула грозно, будто на кота шелудивого. Знамо, мол, чего придумал! Гора с плеч свалится... Говорил бы тогда прямо — застрелить хочешь, голову мою с плеч сбросить! А вслед добавила, высказала ему свое, ставшее потом притчей на устах всей деревни, весьма серьезное и окончательное заключение: и сам дурак, и мысли твои дурные! Сосед побитым псом быстрехонько уметелил восвояси.

Муж у Надежды Павловны не то чтобы ни рыба ни мясо, но ему все до фонаря, и куры эти его совсем не волнуют. Сидит на лавке с гармошкой, пиликает да под нос себе что-то мурлычет, улыбка на лице — завязочки пришивай! Же! Зна перед ним взвиться готова от злости и бессилия, но что с него взять — горсть волос, и только! Не мужик, а тальянка на ножках, да и то ей досталась! И в деревне его не зря Алёхой-гармонистом окрестили. Сама Павловна как-то бабам рассказывала, у нее смолоду муж и по ночам с гармошкой не расстаётся, спит

даже с ней — оттого, дескать, и детей у них — дочка единственная. Пропиликал, когда еще в силе был, а потом уже все — порох отсырел! И рады бы еще детей завести были, да уже паровоз ушел, только дым от него и остался.

Но в этот раз она не вытерпела, ножкой, как на соседа-баламута, топнула и встала перед мужем, будто царица всесильная. Думай, мол, своим нотным станом, что с курами делать будем?

Алёха-гармонист только плечами взыграл: чего, мол, тут мозги мозолить! Прививки, знает, прививки!

— А слушай, — расцвел он в улыбке, — я тебе частушку по этому поводу сложил. Оцени таланта!

Она частушки, которые у мужа перли, как из кобылей головы, любила, потому и про кур своих махом забыла, уши развесила и рот даже раззявила, стоит слушает. А он меха нараспашку и во все горло, будто он не дома на лавке, а на сцене концертной в конкурсе гармонистов-частушечников выступает. Поёт, голова откинута, глаза от удовольствия закрыты:

*Кур от хвори прививали,
Чтобы грипп их не поймал, —
Куры класться перестали,
А петух наседкой стал!*

Открывает гармонист глаза, и... лучше бы не открывать! Снова зажмуриваться пришлось, спешно ставить инструмент свой себе под ноги, уворачиваться и голову курчавую руками оборонять. Надежда Павловна сначала оцепенела от частушки, но чухалась недолго — схватила с гвоздя домотканый рукотерник и давай что есть мочи метелить певуна... И по какому такому очень хлипкому и болезненному месту она его хлестанула — неизвестно, но Алёха-гармонист ойкнул, сжался в комочек и будто из пушки выстрелил — идею ценную подал. Давай, говорит, курей за огороды в старый телятник уведем! Я, мол, дыры все законопачу — мышь не проскочит, а ты их за собой... Там кур наших с собакой даже днем с огнем не найдешь!

Так они и сделали, сидят за столом — чаем из самовара напузыриваются да по окошкам зыркают: ветврача-живодера поджидают. И он при-

метелил под вечер, и не один. Вся деревня сразу зароптала, будто роща осиновая, все грехи и грешки свои давние и не очень давние вспоминают, к покаянию готовятся. Ветврач с собой нового участкового привез. А только накануне письмоноска о нем сорокой по всей округе растрезвонила: злыдень, придира, да и вообще такой, что на три аршина под землей все видит, спуску, мол, никакого никому не дает...

Ветврач, конечно, быка за рога — кур смотреть, участковый тоже в делах весь. Он с обходом по деревне — знакомства заводит, а заодно и выясняет, кто к противоправным действиям склонен: не крадет ли, не мутосит ли жен по пьяной лавочке или вообще мордобои устраивает? Вопросы у него ко всем хоть отбавляй!

Надежда Павловна улыбкой встретила, будто зятя или свата родного, но, мол, так и так — кур у нас нет. Всем им, дармоедам, уже давным-давно бошки оттяпаны, а потому зря за такие версты приперлись, да и участкового без причин всяких взбаламутили.

Михаил Николаевич — Фома неверующий, на слово хозяйке не верит — в хлев ищейкою поперся, а там и в самом деле никого — мыши, наверное, и те от тоски да скуки убились. Ветврач не из робкого десятка, да и вообще рубаха-парень — рука об руку да и за стол: к самовару да пирогам поближе.

— Давай, — говорит хозяину, — разворачивай меха да наяривай что-нибудь веселое, позабorestее, посижу, послушаю, пока участковый по вашей деревне шлындает...

Из деревни гости уезжали довольнешеньки. Ветврач — будто на концерте побывал, только в ладоши не хлопал — пирогами руки заняты были. Участковый от деревни в восторге даже — мужики в ней не гоношистые, а, наоборот, даже чуть ли не шелковые, законы блюдут. Ни воровства, ни пьянства буйного! Разве что охотнику Петру Семеновичу пришлось замечание сделать да нервы пощекотать — документы в полном ажуре, а вот ружье свое не в порядке содержит: в единственной ствольнике и то мизгири³ поселились, тенетами⁴ все опутали. А остальное все — чин чинарем!

Переполоху в деревне как не бывало. День

пролетел, воробьи уже чирикать перестали, а значит, и курам уже на боковую пора — на насест устраиваться. Надежда Павловна за ними — и тут же обратно молодухой нахлестанной малахает, и лица на ней нет с перепугу. Ни словом не обмолвилась — туча тучей, схватила что-то под мышку и снова в телятник усандалила.

Алёха-гармонист к соседу — табак вместе покурить да словом-другим переброситься. До кур ему и дела нет. Жена завела — пусть и возится с ними, будто клуша старая. Сосед Петр Семенович ружье свое проершил, смазал и даже приклад обновил-пролачил, и стало оно таким — будто толь-толь из магазина принес. Ему бы радоваться, грудь колесом перед гостем выпячивать, да и вообще чувствовать себя кумом королю и сватом министру, а он будто корову пропил — весь в грусти и печали. Жена у него тайник усекла — на бутылку с брагой двадцатилитровую натакалась⁵. То, что нашла, еще шло бы да ехало, это еще понять можно: с перепугу, участковый новый приехал. А вот куда заныкала, куда перепрятала — это сплошная головоломка для Семеновича. Он все углы и закоулки перетряхнул, а в итоге плечами только перед соседом пожал: извини, дескать, сам телком непоеным хожу... Но завтра, мол, испуг у нее пройдет, тогда к стенке приставлю и кровь из носу допытаюсь или хитром с языка ее тайну сниму, а потом еще и внушение ей вполне официальное сделаю за столь неуважительное отношение к мужику собственному. Может, насмелюсь и кулаком по столу разик огрею для значимости пушей: не она, мол, брагу ставила — не ей и ныкать!

Заря вечерняя догорает. Алёха-гармонист домой заявляется трезв, будто стеклышко, жена в кровати уже. Но что-то странной какой-то показалась: лежит пыжится и куксится, как дите малое, — хоть угомонку ей подавай! А его такое ее непонятное положение вовсе не привлекает, он гармошку в руки да на завалинку — на скамейку под окном. Сидит, пальцы по планкам, будто живые, бегают, в голове частушки вихрятся, ноги, будто чужие, сами в пляс просятся.

И вдруг... игра резко обрывается, тальянка ку-

³ Мизгирь — паук, тарантул.

⁴ Тенёта — охотничья сеть; паутина; скопление пыли.

⁵ Натаяться (*диал.*) — неожиданно наткнуться.

лем с колен падает, и даже ремни ее не удержали. Частушки, которые в голове гармониста толь-толь теснили друг друга, мигом стрижами вылетели. Ноги приплясывать перестали, ватными сделались, да и вовсе, похоже, отнялись, теперь уже наяву чужими стали. Руками трясушка овладела и губами вмиг посиневшими тоже. Алёха-гармонист глазам своим не верил — в жизни такого не видал, даже с перепою большого или в самом страшном кошмарном сне. «Неужто доигрался — с катушек съехал?..»

По луковой грядке то ли шла, то ли плыла по волнам густой зелени невиданная птица. Голова петушья, только гребень не флажком, как у настоящих петухов, а набекрень и тряпкой красной болтается. Крылья тоже вроде бы птицы домашней, а туловище не разбери-поймешь чье — худое, костлявое — скелет скелетом и красное-красное, рачье будто. А за чудом этим другие тянутся. Они то выныривают из луковых перьев, то исчезают, будто и не было. Головы тоже птичьи, а сами синие-синие, словно куры на магазинном прилавке. Гармонист присмотрелся — они! Неужто и в самом деле из магазина деру дали, идут понуро, да еще и падают — не совсем, видать, от холода отошли, не всеми частями тела оттаяли. Но ведь и лавка сельповская только в соседней деревне, да и та не в той стороне, откуда эта невидаль прет нахрапом. Петушья голова все ближе и ближе, уже глазом, который словно горошина красная, косит, и по всему видно — птица дивная стойку боевую принимает: вот-вот в атаку на Алёху ринется.

На гармонисте фуражка-восьмиклинка ходунном заходила, откуда и прыть взялась — ступенек даже не хватил: птицею шальною в избу залетел — и к образам сразу! Перекрестился наспех — и к окну. Стрельнул глазами вниз, охнул на всю избу, зажмурился, а для верности еще и руками глаза прикрыл: страхи господни, что там под окном творится! Гармошка валяется — меха враскидку, петух рядом навзничь лежит и лапками дергает, будто помирать собирается. И кукарекает еще напоследок, орет во все горло. Рядом куры щипаные: которые шарашатся, которые уже вверх брюшками, будто дух испустить собираются, — лапками своими красными вензеля выписывают. И все до одной кокачут не перес-

тавая, словно хором сами себя отпевают — в путь последний готовятся. И некоторые уже глаза свои остекленевшие тусклые позакрывали — кондрашка, стало быть, вот-вот их одну за другой прибирать будет!

Алёха-гармонист от окна отшатнулся, глаза во всю ширь распахнул, снова на образа пялится и поклоны бьет да на окно с опаскою косится. Жена — то ли спала, то ли таковой только прикидывалась — голову подняла, а потом и вовсе с кровати козочкой спрыгнула и про шлепки забыла — подскочила к мужу, тарашит-ся на него и понять не может, что же с ним такое сотворилось. Надежда его за рукав — он даже вздрогнул, дух перевел и на окошко рукой показывает. Глянь, мол, туда — со мной рядом станешь либо в щель половую забьешься!

Надежда Павловна кошкой хитрой и ловкой к окну, будто к норке мышьей. Муж за ней, глаза пятаками и руки навтыг на всякий пожарный — а то рухнет со страху на пол и жить наплевать! Обезопасил ее, но все равно что-то страшит: как бы она от увиденного полоумной не стала...

Но она не грохнулась и не пошатнулась даже, а только ахнула и руки лодочкой сложила на высокой груди своей.

— Да ведь это наши же курочки! Это же я их ощипала! Лежали ведь как дохлые, как только дух испустили. Я же думала, что это грипп птичий их скоростижно прибрал. А ведь надо же, ожили! Домой пришли...

Она на радостях, босая и косматая, выскочила на улицу — кур во двор запирать. Но их на руках заносить пришлось, голос подавали, будто дразнились друг с другом, а идти не могли — обессилели вовсе. Петуха под окошком так и оставила — не дается забияка никак, видать, свой ощип простить не может — бегае кругами, глаз косит и клюется неистово, того и гляди кривой сделает!

Теперь уже хозяин не знает и в толк взять не может, что у них с курами творится. Но утром все прояснилось...

Петр Семенович к ним ни свет ни заря тараканом присеменил, Алёху-гармониста на улицу вызвал — дело, говорит, очень серьезное. Так и так, сокрушается он перед соседом, сюрприз мне супруга моя преподнесла: брагу мою вчера

мимо выплеснула. Такая крепкая была! Стакан-другой — и с ног долой! В телятник за огорода беременем утащила... А говорила про себя — безкишощная, совсем, дескать, хилая. Представлялась, видать, хитрила...

Гармонист, как всегда, с тальянкой на плече лицом сразу посветлел, оживился. Подумал малость и рассудил по-своему. Да что, мол, это за сюрприз — ни душу не шиплет, ни сердце не трогает. А вот моя жена — не сюрприз, а сюрпризище устроила... Пойдем покажу! Только смотри, за стенку держись и за ретивое свое бойся — отказать может!

И открывает ему свой хлев, а там — куры голые! На насестах сидят сиротами казанскими. Петра Семеновича будто паралич сразушибанул, он заикаться стал, и правая нога отбойным молотком по земле молотить стала.

— А чего это они? — только и смог спросить.

Алёха-гармонист, хоть и догадался, что тут и к чему, незнайку из себя строит, пальцем в носу ковыряет и коротко отвечает:

— Загадка природы! И, между прочим, учеными пока не раскрытая...

Под окном у скамейки остановились. Алёха-гармонист хозяйку кликнул, та тотчас же кукушкой высунулась в окошко.

— Слушай, — улыбается, — я частушку новую сочинил, без заявки, но для вас обоих. — Он свою тальянку во всю ширь раздернул, и по деревне понеслось:

*Не тужи, сосед, о браге —
Не считай пустым трудом!
Ведь теперь у бабки Нади
Куры ходят нагишом!*

Понял ли Семенович смысл этой новой песенки — сие было неизвестно, но, собираясь домой, он дал свой дельный совет. Ты, мол, хозяйюшка, на улицу их в таком виде не выпускай! Уж коли грипп птичий твоих кур погубить не смог, то солнечный удар, ей-богу, зашибет! По своей, добавил, лысине знаю...

— А ну вас! Только бы вам скалиться! — махнула рукой Надежда Павловна.

Окошко затворилось. В деревне начинался новый день.

Митька-Козодой

Так мужики Дмитрия окрестили. Он сначала злился, бутузился и даже руки впервые назвавшему его так при встрече долго не подавал. А когда ему за воротник попадало, все его сторонились и на глаза старались не соваться — ни с того ни с сего может в ухо въехать. Но прозвище это крепко к нему прилипло. Потом он смирился и внимания особого не обращал. А чего, говорит, зазорного, что я козу не хуже бабы доить умею, не козла же... Других мужиков не так еще обозвали, послушает кто, да незнакомый, — уши завянут и трубочкой свернутся.

Мужик он в деревне был не особо приметный. Рябой, курносый, ростом бог обидел — метр с шапкой. Но высватал как-то себе в жены Зойку-ветеринарку. Она на голову выше его была, а потому, если вставала рядом с ним, каланчой пожарной казалась.

Старухи боговолили его — мал золотник, мол, да дорог, другие переиначивали эти слова: мал мужичок, да не соломки пучок. В хозяйстве своем он весь воз на себе пёр. Дрова, сено, вода, грядки в огороде — жена у него этого ничего и не знала, ни к чему не притрагивалась. А Дмитрий ломил как вол, и на работе, и дома, а иной раз, когда Зойка спешила куда-то на вызов, блины ей по-быстрому заварганивал, а на обед или ужин по выходным дням свое коронное блюдо готовил — окрошку квасную с хреном да луком зеленым — на стол выставлял.

Зойка и души в нем не чаяла, и... боялась как черт ладана. Дмитрий мал, как клоп, а по пьяной лавочке вонький очень бывает. Ко всем будто банный лист прицепляется с придирами разными, наговорит кучу арестантов — хоть стой, хоть падай! Все былое и небылое в одну кучу сложит. А кто ему поперек слово скажет или самого в отместку в чем-то упрекнет, он запрыгает, как петух-драчун, замашет кулаками — только зубы у мужиков цокают. Собыют, бывало, его мужики с ног — уймись, мол, карапуз буянистый! Мужики, мол, здесь и поздоровее тебя имеются! А он соскакивает на ноги и снова петухом набрасывается, не отстает. На всех без разбору кидался. Бабы на шум сразу сбегались, мужиков своих от-

таскивали да по домам разводили — не связывайтесь с ним! Мужик он неплохой, это вино его таким делает! Завтра же как шелковый будет и наплевать даже никому не скажет. А когда около разошедшегося во хмелю Дмитрия никого не оставалось, он пулей в свой дом — и давай злость свою и ярость на жене выводить.

Зойка — баба крепкая, мускулистая, быков на фермах в одиночку заваливала, а с баранами вообще играючи справлялась: за шкирку — и поволокла куда ей надо. Но с мужем она так не могла, больно уж он изворотлив был, того и гляди под руку его горячую попасть можно. С ним она поступала иначе. Увидит, что он домой идет красный как рак и глаза осоловелые навывкате, так сразу с глаз его долой — через кормушку и во двор к козе в гости. Пробудет полчаса — и обратно, а муж уже во всю ивановскую храпит, и теперь его пушкой не разбудить будет. А утром встанет и головы не подымает, будет сидеть, горемыка, за вчерашнего себя переживать, казнить. И в кого, мол, я такой? Во всей родне драчунов да задир не было... А я как обсевок в поле. Сам себя не пойму... «Нет, — говорил он себе вслух, чтоб и жена его тоже слушала, — пить так больше не буду!» Ей даже в ноги пал — божился, что больше такого не будет.

На этот раз держался он долго. Почти до конца лета ходил как стеклышко. Но как-то после получки мужики сбросились, его стороной не обошли, зазвали в компанию. Ну и сорвался мужик, снова в деревне шум устроил, собутыльников своих, захмелев, разогнал, — быстро они от него слиняли. Потом дома жену выловил, что-то в этот раз замешкалась она, проморгала и не успела убраться от греха подальше. Ей ни за что ни про что всыпал по полной его хмельной программе и даже тумачков чуть ли не навесил. Зойка, конечно, такого не вытерпела. Утром, пока он дрых без задних ног, собрала все свои манатки, кутузом завернула и за порог выставила. Еще с вечера, когда он, как кипяток в чайнике, расшумелся — того и гляди лопнет или крышку снесет, она твердо решила: раз он такой, оставлю его и к матери в соседнюю деревню уеду. Пусть один поживет, может, ума-разума наберется... А то, как под хвост вожжа попадет, дурь в башку лезет, даже на меня руку подымать начал. Звезда-

нула бы пару раз — и жить-наплевать, да его, дурака, жалко, а себя еще жалче — посадят ведь... Хотела уйти втихомолку, но и на сей раз сжалилась, растрясла, и, когда он очухался, глазами заспанными захлопал и сообразил, что он у себя дома, громко, будто глухому, сообщила:

— Всё, Митяй! Допрыгался, доскакался передо мной! Ухожу я от тебя... У мамы жить буду. Она уже старенькая, уход за ней нужен. Терпеть твои пьяные выходы больше не намерена! Ты ведь, как шут гороховый, не толь меня — всю деревню своими выкрутасами с ума сводишь. Живи один или другую ищи, которая бы тебя терпела. А я не могу уже! Надоело.

И ушла, оставив его соломенным вдовцом. Дмитрий тогда не сразу и сообразил, что произошло, подумал сначала, что все это ему с боуду приснилось или Зойка его на пушку взяла и так сурово пошутила. Но уже на следующий день бабы по деревне сороками весть разнесли: от Дмитрия жена убежала! Теперь, мол, бобылем остался! Тут-то он и понял, что это не розыгрыш какой, все наяву и всерьез. Людей сторониться стал, в разговоры разные не встревает, потому как о чем бы в деревне ни говорили, все равно про их с Зойкой не забывают — обним косточки перемалывают. Бабы бойки на языки — ей уже и жениха подобрали, и его успокаивали: не тушуйся, мол, и тебе подберем, или, мол, нашего брата мало. Дмитрий от слов таких хмурился, мужики бы такое говорили — он бы вмиг языки им укоротил, зуботычину бы враз получили. А от баб-балаболок он только отмахивался и уходил прочь подальше. Одна лишь соседка-старушка немногословила, сказала ему без подковырки и насмешки:

— Не томись, мужик! Бабье сердце отходчиво — вернется, и лучше прежнего еще жизнь наживете! Только ты о буянстве своем забудь — не дело это! Тогда все чередом у вас и пойдет — как сыр в масле кататься будете. Вернется, поверь слову моему! У моего мужика тоже характер не мёд — круг и горяч, слова против шерсти сказать нельзя, но ведь всю жизнь прожили... И в ладу! Жизнь — она штука такая, не все в ней гладко бывает...

На трезвую голову Дмитрий и сам не верил, что от него жена ушла, не простив ему пьяных

выходок. Как-никак, а более трех десятков лет под одной крышей небо коптили. Дочку вырастили, на бухгалтера выучили, замуж отдавать собирались — все еще в женихах роется, теща Дмитрия ее надоумила с замужеством не спешить: с хорошим, мол, наживешься, с плохим успеешь еще лиха хватить и намаешься. Винил он себя крепко, хорошо еще руки не распустил, но верил, что все пройдет, перемелется, да и теща ее по головке не погладит, живо хвоста накрутит — надумала народ смешить: мужик, мол, чуть пошумел на нее, так и вразбег сразу! Других мужики как сидоровых коз лупят — и ничего, терпят и молчат в тряпочку, не убегают от мужиков. А тут нашлась тоже цаца — больно уж привередлива! Да кабы молодницей была, а то у самой скоро внуки пойдут...

Улеглось малость у Дмитрия на душе, да соседка поуспокоила — еще бы слова ее да богу в уши! Но и сам решил Зойке покориться: получит вот к празднику зарплату, да еще и премиальные хотели отстегнуть сколько-то, — и сразу к теще на блины шуранет. С ней поговорит, ее в пристяжные к себе возьмет — вдвоем они быстро жену уговорят в дом обратно воротиться. Ну, и поклянется перед ней — никаких там выкрутасов больше не будет и за воротник он больше ни-ни.

Жить одному совсем не та малина, но Дмитрий освоился, жилка хозяйская в нем была. В доме у него, как у бабы-чистоплюйки, в любом закуточке ни пылинки, повсюду у него порядок — комар носа не подточит. Около плиты по утрам крутится — для него не в диковинку, да и много ли ему одному надо. А вот с козой у него беда — ни разу он эту скотинку не даивал, а тут пришлось. Он и так и сяк к ней подсаживался — не дается, и все! Толь к ней приладится, коза срывается с места — и от него кругами по двору как ошалелая носится. Надоит он стакан-другой — и то коза-каприза расплескает. Он и платок Зойкин на себя прилаживал, и привязывал ее — не получалось, все равно не дается. Однажды даже ноги передние ей веревкой захомотал, чтоб не бегала. Коза тогда рванулась было, сразу шмякнулась пластом на пол и давай ногами брыкаться — он ее еле от пут веревочных освободил. Она ему все руки в кровь копытами своими острыми исцарапала и даже на щеке ему метку

глубокую оставила — пришлось медицинским пластырем крест-накрест заклеивать да в таком виде и на людях показаться. Но потом придумал-таки, как ее укротить, — и получилось у него. На первых порах даже кошки без молока жили — все по полу во дворе расплескивал, а приловчился — иной раз даже соседке-старушке литровую баночку заносить стал.

А она гадалкою не слыла, но как в воду глядела. Собирается утром Дмитрий козу доить. Сначала во двор сходит, все приготовит и за подойником в избу поднимется. Идет обратно, ведром подойным брякая, выходит в коридор, а у дверей... Зойка стоит, носом к носу повстречались. От неожиданности у Дмитрия ведро из рук выпало, стоит он, глазам не верит, и она, как птица пугливая, наохлилась перед ним, насторожилась и слова первую не молвит, выжидает, как ее, беглянку, хозяин примет.

— Ну что, набегалась? — не очень-то дружелюбно начал Дмитрий, подымая подойник с полу. — Насовсем вернулась али как?

— Да пока проведать только забежала. Интересно, как жизнь твоя холостяцкая? А то слыхала про тебя, так хоть стой, хоть падай! — парировала Зойка.

— А чего такого? Живу не хуже других! — воспротивился хозяин. — Заходи в дом, посмотри — у иных баб такого порядка и чистоты не бывает! Завтрак уже на столе — хочешь блинами свежими угощу! Козлуху и то сам доить научился — ничего хитрого в этом нет. Глаза боятся — руки делают! А вообще-то, — сделался он мягче и добрее, — хватит нам с тобой воду мутить, куда мы с тобой теперь друг без друга. Возвращайся, чего людей смешить... Груб был с тобой — признаю. Ну, возьми да забудь все...

Зойка строго посмотрела на него и оборвала на полуслове:

— Ну, об этом мы с тобой позднее поговорим. Для начала покажи-ка мне, как ты с козой управляешься. Мне донеслось, что ты, как изверг, над скотиной издеваешься. Такого козодоя еще никто не видал. Механизацию, говорят, какую-то придумал.

— Как могу, так и дою! — обиженно бросил Дмитрий. — А Игнахе надо язык его поганый укоротить — ему только и показал, а он, видать,

по всей деревне разбалаболит. Хотя и смешного в этом ничего нет, а наоборот даже — рацпредложение можно оформить. Своей головой додумался... Пойдем покажу — она у меня как раз к процессу утренней отдачи молока приготовлена.

Они спустились по лесенке вниз. Он по-джентльменски, словно вежливый гид, сопровождающий экскурсантку, вежливо пропустил Зойку вперед. Хозяйка бывшая распахнула дверь и головой закрутила по сторонам. Она ожидала, что коза, привычная к ее рукам и ласкам, сразу бросится к ней, забьет обрадованно копытцами по деревянному настилу, а ее вообще в полумрачном дворике не видеть.

— Где? — обернулась она к Дмитрию, а тот уже гремел ведром, к поясу его ремнем прилаживая.

— Выше смотри!

Зойка глянула под потолок и глаза руками закрыла:

— Батюшки-светы! Да что это делается?! Ты же палач настоящий, изверг!

Коза висела, перехваченная поперек ременной вожжой, под самым потолком. Ноги нарашарагу — тоже на растяжках, расходящихся по сторонам. Она, увидев вошедших во двор, затрепыхалась, пыталась подать голос, но у нее ни то ни другое не получалось — кроме хрипа...

— Ты чего делаешь? Опускай немедленно! Мучитель! Тебя бы так за все конечности подвесить надо да выпороть как сидорову козу за проделки всякие!

— Не шуми — не дома! — погрозил он пальцем и протиснулся вперед. — Смотри, как доить удобно! Учись!

Он с важным видом зашел в козью загородку и застрекотал лебедкой, которая у него раньше на веранде годами без дела валялась — когда-то давным-давно у связистов-столбоставов выклянчил. Коза медленно и плавно стала опускаться вниз, пугливо поглядывая по сторонам. Зойка рот свой ладонью прикрыла и даже стиснула, чтобы от страха не закричать.

А Дмитрий окинул взглядом козу, подойник на пояс:

— Все! Мы приехали! Приземлились! А теперь дело плевое...

Он смело подошел к козе, потрепал ее по спине, лукаво поглядывая на Зойку и молча

вопрошая, как, мол, у меня механизма, хитро придумано?

У Зойки глаза навывают, онемела и ртом, будто рыба, выброшенная на берег, воздух немо глотает. Потом пришла в себя, на весь двор крик подняла:

— Ты что, офонарел, что ли? Изверг! Как ты можешь над скотиной так издеваться? Кто тебя такому надоумил?

Коза испуганно отскочила в дальний угол загородки, жалобно проблеяла. Борода ее трусливо потряхивалась.

— А ну-ка, давай сюда! — Зойка резко вырвала из рук мужа подоилицу. — Дояр тоже мне нашелся! Тебе только палачом быть да над кем-нибудь измываться! — и шагнула к напуганной козе.

— Розочка! Роза ты моя! — ласково заговорила Зойка и протянула ей руку. В ладони ее был комочек когда припасенный сухарик.

Коза шагнула ей навстречу.

— А ты уходи! Чтоб и глаза наши тебя не видели!

— Ухожу, ухожу! — попятился к двери Дмитрий, подняв руки вверх. — Все, все — не мешаю! — и скрылся за дверным проемом.

Зойка козу подоила быстро, как руки вымыла, — дело ей привычное, да и к скотине любой подход имеет. Вошла в избу и с порога носом завила: синь в доме стояла — пахло чем-то пригорелым.

— Что у тебя горит? — спросила, оглядывая избу. — Продохнуть невозможно!

Из-за печки высунулся Дмитрий.

— Да постряпать придумал... Блины. Не доглядел малость — сковородка вспыхнула. Садись, перекуси... А то ведь с утра бегаешь!

Он поставил на стол тарелку с дымящимися блинами. Зойка второпях процедила молоко, не сядя за стол, схватила блин-другой и спешно направилась к выходу.

— Некогда мне — побежала! — бросила на ходу. — Люди ждут! А ты вечером к Розке не подходи, нечего козу мучить! Сама прибегу — подою! Но не тебя, а козочку жалко. Ну надо же было додуматься: козу подвесить! Изверг — и только!

В ответ Митька затараторил скороговоркою: нет, мол, и нет — я, мол, только рад такому по-

вороту дела. И вообще, дескать, на своей шкуре понял теперь, что доить козу не мужское занятие: ласки и сноровки у любого мужика невпрохват будет!

А у самого мысли всякие в голове витают: как бы такую ситуацию в нужное русло направить и Зойку обратно вернуть, а то надоела до чертиков жизнь такая бобылья. Вроде бы и не разведен, а живет как в разводе. Эх, по пьяни дров наломал, теперь локоть, как собака свой хвост, ухватить зубами пытаюсь. Власть и силу свою показывать перед ней без толку: Зойка — баба, волю любит и все, что против шерсти ей, в штыки принимает, бычится. Хитром ее, хитром надо брать!

Долго голову Митька не ломал — вспомнил, что недавно Настасья Прокопьевна от козы своей хотела избавиться. И доит, мол, хорошо, и молоко куда с добром — не у каждой такое бывает, а вот уже сама с ней справляться не могу. Продать бы кому или даже бесплатно отдать согласна, только бы не на мясо — жалко ее! Скотинка как подружка мне была.

Дмитрий к ней прямиком — так, мол, и так, молока не стало хватать, продай козу! Та с радостью согласилась — пусть, мол, коза моя в твоих руках будет, но хоть на моих глазах, а то Коля Седой до слез даже довел: давай, говорит, я ей мигом харакири сделаю. Рога тебе на память останутся — над дверями повесим.

Утром следующего дня прибегает Зойка козу свою подоить, заходит во двор, и глаза вразбег — двоиться в них стало: две козы блеют в разных углах. Она на Митьку тарашится — это, дескать, что за проделки? Откуда еще одна деревянная скотинка взялась?

Митька пояснил все как есть, как было, — без всякой утайки. Так и так, мол, пришлось Наталью Прокопьевну выручить и козу от ножа живодерского уберечь — привел вот, доит хорошо и молоко — люди не обижались, а только нахваливали... А у тебя что одну, что две подоить — мигом получится...

— Хитер же ты! — строго ответила Зойка.

— Немного есть! — усмехнулся Дмитрий. — С двумя теперь не заартачишься — каждое утро и вечер прибегать будешь! Пожалеешь их и, — добавил: — меня, может быть. Но, — поднял он к

потолку указательный палец, — главное мое хитро впереди. Сюрприз тебе готовлю, если, конечно, получится...

И в тот же день Дмитрий нарядился, будто свататься собирается, наодеколонился — весь флакон на себя избрызгал и даже духи, от жены оставшиеся, прихватил и для пушного аромата шею и щеки ими протер и за ушами по-женски нежно смазал. Покрутился перед зеркалом — и айда к Веньке-шоферу. Тот на буханке-уазике все дни крутился туда-сюда и соседей своих всегда ублажал, будто на такси он работал. Дмитрию тоже помочь согласился, и даже с радостью, — дело затеял мужик дельное, а потому как это можно в стороне остаться!

Укатили. А вечером, когда Зойка забегала к нему коз подоить, он лениво, но гордой походкой прохаживался около калитки, дожидаясь ее. Настроение у него — хоть песни пой! И он запел бы, будь у него за воротником граммов хотя бы пятьдесят, а трезвому на всю деревню горланить — люди не так поймут. А повод такой был: его затея с сюрпризом для жены удалась! Да еще какая! Теперь жена — к бабке ходить не надо! — как пить дать к нему в дом вернется.

Зойка появилась как по часам, как и во вчерашний день — из тютельки в тютельку. Димка встречает ее молча: улыбка во все лицо, в глазах свет загадочный.

— Чего на улице торчишь и цветешь как роза майская? — бросила с ходу.

— Так гости у меня — заходи, у порога рухнешь!

— Кто еще к тебе припёрся? Событьльники? Сейчас же ввашей вытурю!

— Да ты посмотри, познакомься! А то сразу и выгоню! Таких, об заклад бьюсь, не посмеешь выгнать, сама рада будешь...

Он вежливо, будто ухажер, пропустил жену вперед. Та зашла в избу и ахнула. В прихожей кутузы⁶ навязаны, телевизор знакомый на диване покоится, а в зале... мать ее за столом сидит перед самоваром!

— Вот, привез! — переминаясь с ноги на ногу, объяснил Димка, как бы оправдываясь перед женой. — А чего тебе взад-вперед каждый день мотаться! Пусть у нас живет, лишней не бу-

⁶ Кутуз (*диал.*) — узел, вещи в узле.

дет... Годы все-таки! Восьмой десяток уже... — и шепотом, чтобы теща не слышала, добавил: — На уговоры мои еле поддалась! А уломал-таки! Согласилась...

Потом, когда Зойка коз подоила, сидели все троим за кухонным столом. За ужином Димка идею предложил:

— А не завести ли нам корову? Сенокосов сейчас под самым носом хоть отбавляй. Коси — не хочу! Соберем ватагу — быстрехонько управимся...

Зойка когда-то, лет пять, а то и более назад, сама настаивала, что корова нужна — соседи по дешевке продавали тогда телушку стельную. Но Димка заартачился, уперся как бык, — сенокосить, мол, потом каждый год до белых мух надо, на пастбище по утрам гонять. Только на козу согласие и дал. А тут переменялся... И купили, той же весной привели...

Новогодний подарок

— Пляши! — огорошила Игнаху с порога почтальонка, задирая руку над головой.

— Письмо, что ли, принесла? — загорелся он глазами.

— Бери выше! От сына посылка пришла! Подарки новогодние, должно быть! Пока не спляшешь, хоть убей — не отдам!

Игнаха и не норовил вырывать из ее руки извещение, а отбил перед ней чечетку, даже присел пару раз и в ладоши громко отбил. Светлана улыбнулась и протянула ему бумажку с неровными рваными краями. Но Игнаха не взял и не потянулся за ней даже:

— Зятю Анатолию завтра утром отдай — он там получит и принесет. А ему до почты — три шага сделать. Сбегаешь, получишь, а потом заодно и у нас в гостях побывает... Мне чего в такую даль ноги ломать? Они еще плясать да в баню ходить пригодятся.

— Чего-чего, а часто плясать тебе приходится! Сын у тебя заботливый да внимательный — к каждому празднику что-нибудь присылает... Хорошо, Игнатий, занесу! — выпалила она, выходя за порог. — Чего мне стоит!

Игнаха от услышанной похвалы сына своего и грудь колесом сделал, плечи шире расправил. Он у него институт какой-то непонятный кончил — не то горный, не то тот, где на геологов учат, а теперь жил у черта на куличках — где-то на севере Сибири. Семей обзавелся, на жизнь свою не жалуется, пишет, что в доме у него чаша полная. Молодец парень, живет, видать, как сыр в масле катается, да еще и посылки не редит — шлет...

На другой день зять с посылкою в заплочном мешке с утра у тещи с тестем в гостях появился:

— На работе даже отпросился — отгул взял, чтобы вас уважить. Вот получил, принес, — и выложил на стол крепко сбитый и увесистый фанерный ящик.

— Принес, и хорошо — открывать надо! — распорядился Игнаха, достал из ящика тиски и протянул их зятю. — Гвозди вытаскивай да ящик не повреди! Может, пригодится еще... Смотри, обычно Лешка письмо на самый верх под крышку бросает, расписывает подробно, что и кому присылает. Лидия, — зыркнул он на присевшую поближе к столу жену, — неси-ка мне очки! Читать буду! Посмотрим, что ныне за подарки прислал...

Зять бережно снял крышку, отложил в сторону:

— А вот и письмо! — протянул он тестю аккуратно исписанный тетрадный листок. — Ну-ка, читай вслух!

Игнаха напялил на нос очки, взял письмо и повернулся к свету. Начал читать, но не так громко, как просила жена, а забубнил что-то невнятно и тихо.

— Чего толь для себя читаешь? — одернула его Лидия. — Наверное, всем пишет! Не тебе одному...

— Тогда слушай! — оторвался от листка Игнаха. — Пишет, что у них все чередом, толь холода стоят больно люты. Ну, Сибирь на то и Сибирь, чтобы стужа донимала, — пояснил он. — Не зря же раньше туда на каторгу ссылали... А теперь по делу, — он снова впился глазами в письмо. — Маме, то бишь тебе, — кивнул на Лидию, — платок с кистями! Угу-у-у! — вытащив его из посылки, удивленно протянул Игнаха. — Ну и вкус у сына твоего! На-ка, приме-

ривай — в деревне точно первой красавицей будешь! Гляди потом, чтоб молодые за тобой не заухлястывали, а то они нынче такие — вместе с платком из-под носа уведут...

— Да ну тебя, шлепалку! — отмахнулась от мужа Лидия и, не отрывая горящих глаз от подарка, подошла к зеркалу, набросила платок на плечи, но покрасоваться, покрутиться перед ним не успела.

— Чего убежала? — окликнул ее Игнаха. — Иди сюда! Оказывается, тебе еще кой-что причитается. Материалу кусок... Маме, пишет, на кофту! Но, смотри, пишет, шить не доверяй какой-то портнихе пахорукой! А по мне так, — развернул он и рассмотрел внимательно отрез, — хоть мешком картофельным сшей, а на тебе да в платке этом любая кофта заглядением будет. На, видишь, как сын наряжает!

— Ага! — развела руками, раскланялась перед мужем Лидия. — Сказанул тоже! Сын наряжает! Да он, как и ты, ни уха ни рыла в этом не понимает! Сноха, слава богу, путня досталась. Это же ее рук дело! Бабье...

— А вот и мне подарок! — обрадованно воскликнул Игнаха и начал развертывать тряпицу. — Коньяк! Пишет, самый лучший для меня подобрал, соседских мужиков, мол, угости — пусть попробуют. Такого в деревне, должно быть, еще и не видали, нюхом не нюхали... А мы, — лукаво подмигнул он зятю, — и сами не худо управимся! Чего кого-то звать — по наперстку не достанется, только губы марать. Да, может, мужикам и не по нраву придется, охают еще, что сын какую-то бормоту прислал. Слыхал от кого-то, коньяк — он клопами давленными пахнет. Попробуем сами сначала... А вот и тебе, — глянул он на зятя и вынул из ящика завернутую банку кофе. — Это, пишет, отдать зятю — он разберется, что с ним делать. Тут вот, — выложил он на стол сверток, — мальчишкам твоим подарок — крючки, лески, пусть, мол, рыбачат... А это сестре Зинке отписал. И распечатывать, смотреть не будем — унесешь ей, сама во всем разберется. Тоже, наверное, наряд какой-то...

Лидия, мурлыкая напевно, покрутилась-покрутилась перед зеркалом, любуясь платком-подарком и прикладывая к груди, оборачивая вок-

руг себя кусок яркой цветной ткани. Хороша будет кофта! Такой ни у кого в деревне, да и в селе, наверное, днем с огнем не сыскать! А потом все аккуратно сложила в стопочку на диван и юркнула на кухню. В печке уже пригорало, а у нее не у шубы рукав! Еще и чугуны с картошкой да кашей на загнетке покоятся — давно пора в жар ставить. Только начала головешки в печи курчить, муж окликнул:

— Лидия! Давай к столу — пробу снимаем! На тебе испытывать будем!

Она вышла к сидящим за столом мужикам, сделала глоточек из стакана:

— Фу! — сморщилась она и прикрыла рот губами. — Чего хорошего? Как самогонка наша, да и то самая худая... Вонько больно! Ну, и... горько еще!

— Во! — обрадованно воскликнул Игнаха. — Чего я говорил? Ей не понравился коньяк этот, а мужикам тем более не по нраву придется, плевать еще будут. Чем срамиться перед ними, сами сейчас все уговорим, чтобы и душа не болела, и бутылка эта, — постучал он по ней вилкой, — глаза не мозолила...

Лидия у стола не задержалась, вновь на кухню укатила — заскрипела ухватами, посудой забрякала. Она торопилась дела свои все упредить, а потом к соседке на радостях сбегать — подарками похвастать да ее удивить: пусть позавидует, какие у нее сын и сноха внимательные...

Мужики коньяк, будто самогон, пили — по полному стакану опрокидывали и только крикали то ли от горечи или запаха клопьевого, то ли от удовольствия, а потом занюхивали корочкой хлеба и дружно хрустели соленой капустой. Они в два счета бутылку опустошили и со стола убрали — мало ли кого в дом занесет. Головы у них обашмурило, по ногам жар поднялся, будто их в воду горячую опустили, языки развязались — разговоры пустились...

— А что, зятек, — переметнулся Игнаха с одного разговора на другой, — мой подарок опробовали, хоть и вонек, но, по-моему, неплохо подаст — хоть песни пой! Давай теперь твой попробуем! На верхосытку, так сказать! Одно с другим в брюхе не раздерется! Как думаешь?

— Чего и думать? — согласился зять и принялся читать, что там на банке написано. — Пробо-

вать так пробовать! Кипяток нужен, сахар да молоко по вкусу — невелика и кулинария!

Игнаха неуверенным шагом сбегал на кухню, ковшом зачерпнул из чугунок кипящей воды — и назад к столу. Зять уже по чайной ложке в оба стакана сыпанул, сахарницу с песком из комода достал. Разлили они кипяток по стаканам, размешали — пробуют и друг на друга осоловелыми глазами таращатся.

— И вкусу никакого, и на зубах скрипит, — пожал плечами Игнаха и отставил в сторону стакан. — Может, у них там, в городе, и пьют такое, а мне не надо! Чай морковный и то получше кофе этого во сто раз будет!

— И вправду, непонятно — что за кофе такое? — поддержал его зять и тоже плечами вздыбился.

— Шары-то уже налили, — рассудила вышедшая на их голоса Лидия, — не понимаете ничего! Кофе, — слышала от продавщицы, — варить надо! А вы кипятком только залили, да и то, наверное, остывшим... Сливайте все в кастрюльку — и на огонь, пусть покипит, а потом уж и пробуйте! Толь смотреть на посудину во все глаза надо, Верка говорила, что все кофе может пеной на огонь разом выплеснуться...

Мужики — на кухню, керосинку запалили и сидят перед нею котами мартовскими и даже облизываются, будто в кастрюле сметана, а не кофе варится. Игнаха ложкой столовой помешивает, пенку появляющуюся сбивает, зять то и дело носом, будто дятел, клюет — принюхивается, как, мол, ароматом потянет, значит, и варево их готово! Минут десять они кипятили — вода ключом била в кастрюле, наружу вырывалась через края.

— Наверно, сварилось? — не то у жены, не то у зятя спросил Игнаха, не отрывая взгляд от воды клокочущей. Но Лидии на кухне уже как не бывало, ее и след простыл — уже перед соседкой своей выпендривалась в платке новом с кистями и ткань цветастую во всю ширь обеденного стола раскинула...

— Похоже! — ответил зять. — Порядком уже кипит. Может, он такой и есть не пахучий! Да и нюхать уже невозможно — кипятком брызжется! Так и окриветь хоть бы хны можно!

Наполнили они снова стаканы, но тот и другой смелости не могут набраться, чтобы поп-

робовать, — сидят, принюхиваются да друг с дружкой переглядываются. Зять наконец-то насмелился, сделал глоток-другой и молчит, в потолок глазами уперся.

— Ну как? — не вытерпел, поинтересовался Игнаха.

— А ты попробуй да сам оцени — какой это сулемы тебе сын прислал! — в ответ сверкнул глазами зять.

Игнаха после таких слов и пробовать кофе не стал, понюхал только — чуть нос в стакане не замочил, поставил его обратно:

— А вот тут, зятек, ошибаешься! — возразил он. — Банку эту не мне, а именно тебе в знак уважения Лешка прислал. Поэтому и угощайся сам тем, чем тебя потчуют, а мне кофе вообще не по душе, да и боюсь — изжога, дери ее за ногу, давить потом станет...

— Да это издевательство надо мной, а не знак уважения! — резво заговорил зять. — Кофе послал он! То ли просроченный, созревший при царе Горохе еще, а потому и без вкуса какого, то ли это вообще какую-то отраву подкинул...

— Да возьми да выбрось! Чего из-за этого сыр-бор заводить! — попытался Игнаха смягчить зятя. — Пойди и выбрось, потом напишем ему, что выпили, но, мол, не ахти приглянулось кофе. Не для нас, дескать, оно, деревенских...

— А что? И выброшу! — не сразу остыл зять. — А ему вместо грибов сушеных в следующий раз коры ольховой от валежин насобираю и полную посылку — вот этот самый ящик — и отправлю. Свату, как говорится, в отплату!

Он сгреб со стола банку, выскочил из-за стола и убежал на кухню, заглянул в печку — хило, но головешки еще отбрасывались гребешками огня. Он размахнулся и, целясь в самый жар, швырнул эту банку поверх чугунок и плошек и сам тут же удивился: бросил-то как удачно, банка улетела точь-в-точь туда, куда метил...

Зять вернулся за стол и с облегчением потер руки — все, мол, избавился я от такого подарка, гори он теперь синим пламенем! Хотел было намекнуть тестю, не стоит ли по этому поводу по сусекам поскрести или тещу тряхнуть, подарки ее обмыть, но... На кухне грохотнуло так, что по всей избе стены вздрогнули, рамы в окнах задрезжали. Оттуда клубы дыма темного в зал по-

рывом резким вкатились, мужикам в нос пороховой гарью ударило. Они — туда, и видят сквозь пелену перекатывающегося волнами едкого дыма — на полу картошины повсюду валяются, стена напротив чела вся кашей облеплена и вообще кухня стала неузнаваемая — будто баня по-черному. Закоптелая, посуда битая по всем углам разбросана, как Мамай со своей ордой побывал. А в окно ветер свежий с улицы бьет. В нем не только стекло, но и рам нет обоих...

Игнаха, не понимая ничего, в образовавшийся проем на улицу выглянул: хмель, в голове шумевший, мигом улетучился. Под окном густо парили и шипели змеями чугулки, только-только стоявшие в печи. Рядом с ними уткнулась в сугроб ребром прокопченная заслонка, а кругом — ложки, вилки, ножи... И еще солонка — стоит на снегу, будто на столе, словно ее туда кто-то нарочно принес и аккуратно, бережно поставил — в целостности и сохранности, соли в ней доверху.

— Беги быстрее на улицу! — пришел в себя мигот протрезвевший Игнаха и громко скомандовал зятю. — Чугуны да посуду разную собирай! А главное — рамы! Рамы подбери да в дом занеси! А я к Николаю Седому побег — за стеклами. У него должны быть в запасе...

— Папаша! — обратился зять. — А что произошло?

— Не знаю! — отмахнулся Игнаха. — Потом разберемся! Главное, в избе не остудить, окно заделать...

Они оба как по команде выскочили из избы. Один сиганул в огород, другой опрометью помчался вдоль по деревне...

Соседка напротив окна сидела. Она и заметила: Игнаха с зятем из избы черными, будто негры, выскочили и по разным сторонам разбежались. Один по деревенской улице сломя голову понесся, другой — козлом-проказником через палисадник сиганул и за домом скрылся.

— Смотри, смотри, Лидия, — испуганно заговорила соседка. — У тебя что-то с мужиками делалось... Как тараканы пуганые, из дома выскочили и наутек пустились...

— Мои? Где? — стрелой подскочила к окну Лидия, даже отрез ткани на кофту из рук выпал. — Никого не вижу...

— А сейчас и не видно, — всплеснула руками соседка. — Убежали... Нет, смотри, зять твой появился, под окошком в палисаднике шеперится⁷ — раму какую-то на плече несет...

— Ну, Игнаха, совсем парня извести хочет. Покая, пень старый, ему не дает, — пожалела Лидия зятя и отвернулась от окна. — Опять работу какую-то нашел — нельзя ему на глаза появиться! То одно, то другое придумает...

— Глянь-ка, — соседка не отрывала взгляд от окна. — Чугуны откуда-то тащит. Под мышкой еще чего-то... Похоже, клад какой-то там за углом откопали. А вот и твой Игнаша катится. Да и не один... Коля Седой следом бежит. Стекла откуда-то. К вам, — повернулась она к Лидии, — бегут, неспроста, девка, это... Побежали и мы! Все ли у них ладно?

Баб из дома будто ветром выдуло — мигот через дорогу сиганули и следом за мужиками. Первою в свою избу Лидия вбежала, за порогом сразу остановилась и замерла, будто столбняк ее прихватил или паралич разом разбил...

Занавески в избе, будто флаги на ветру, колыхаются, ходуном ходят. На кухню с улицы снег мухами белыми залетает и на полу даже не тает. Николай Седой на столе стекла стеклорезом пазгает, Игнаха, как смоль черный, из двух рам одну собирает — у зимней на кухне не только стекла выломало, но и переплеты вырвало с мясом. Зять чумазый как черт, у него толь глаза светятся да зубы белеют, по стене шарится — ножом кухонным со стен кашу да поросеячью еду соскабливает. На полу ступить некуда: посуда разная да картошка валяется...

Игнаха с застекленной рамой мимо баб мрачнее тучи пробежал на улицу — окно, холодом сквозящее, заделывать. Соседка и Лидия даже напугались — уж не на них ли зверем бросается, матрешками перед ним расступились и руками от него отгородились. Но Игнаха на баб даже глазом не повел, порог перелетел, будто наскипидаренный.

Сквозняку путь в избу он быстро перекрыл — раму с новыми стеклами в проем вставил. А с зимней еще Николай Седой возился, стекла вставлял да молотком постукивал — гвоздиками драночными к раме прищипливал...

⁷ Шепериться (*диал.*) — важничать, хорохориться.

— Не могу понять, что это так крепко садануло? — проговорил вернувшийся с улицы Игнаха, рассматривая забрызганные водой и кашей стены, обои...

— Тоже ум за разум заходит! — ответил зять. — Кофе? Так оно не взрывается... Или, может, испортилось и таким стало огнеопасным...

Игнаха хотел было что-то еще добавить, высказать какую-то новую версию, но не успел...

— Игнатий! — услышал он знакомый голосок Светки-почтальонки. — Письмо тебе!

Она вошла в избу с улыбкой, радостная, а за порогом заозиралась по сторонам, носом заводила:

— Фу! Чего это у вас? И дымно, и воняет не разбери поймешь чем? Ладно уж, Игнатий, плясать сегодня не заставляю! Письмо Лидии отдам — разница какая: от сына.

Она передала конверт хозяйке. Та тут же у порога раскрыла его, письмо читать стала, подойдя вплотную к окну. Но не пробежала глазами и до конца, с листком тетрадным к мужикам шмыгнула:

— Где банка эта?

Мужики молчат, друг на друга поглядывают неграми и губами ярко-красными перешептываются.

— Так вот он пишет: в ней совсем не кофе, а порох какой-то дымный! Ты же, говорит, — уставилась она на растерянно стоящего зятя, — еще два года назад просил. Пишет, мол, потом, может, еще пришло. А вы, чудачки, варили...

— Нет! Нет! — замахал руками Игнаха. — Пусть больше не присылает! Ему и этого надолго хватит! А ты, — обратился он к зятю, — скреби-скреби стену, а потом пол мыть будешь! Охотник тоже нашелся!

А потом наклонился к нему и шепнул на ушко:

— Как еще с этим кофеем избу не подпалили...

В деревне выстрелы гремели

Игнахе всю плешь жена переела. Она уже не по один день ноет, не перестает: хряка убирать пора — не всю же зиму его, дармоеда, кормить! Со слона все равно, мол, не вымахает и

сала с ладошку не нарастет, не прибавится!

А он где-то краешком уха слышал, что мужики-охотники переиначились — свиней они не колют, а, как зверей лесных, из ружья стреляют. Получается, мол, и не так хлопотно и опасно, и для скотины мучений никаких: бах только — и все готово. Тогда Игнаха новость такую близко к сердцу не принял, мало ли, мол, кому чего на ум взбредет, а теперь вот, когда приспичило, вспомнил. И рассудил по-своему, а зачем я резку звать буду? У него горло луженое — вина не наберешься, потом денег еще на опохмелку давай да свежатины еще сумку полную натузит... Сам управлюсь!

Вечером он запасы свои охотничьи все перешерстил — где-то у него патрон с пулей быть должен. На крупного зверя Игнаха не ходил, но на всякий случай его хранил — у кого-то из заезжих лосятников выхристорадничал, сам не зная зачем. Отложил его в сторонку, завтра, мол, пригодится, остальные патроны тоже прибрал — патронташ ими полный натузил и на стенку пока повесил. Ружье осмотрел, стволину продул и на свет посмотрел — блестит, не закоптела. Да чего ей сделается, после зайцев за огородами он его и с гвоздя не снимал, висло в уголочке кочерга кочергою...

Утром он встал ни свет ни заря.

— Кабана пока не корми — убирать буду! — предупредил жену.

Лидия от слов таких и глаза выпучила:

— Кто придет? Неужто Колюха Злой? Не кобенился? А то, сам знаешь, с ним не так-то просто разговоры вести, ломается, неведомо кого из себя корчит...

— Сдался мне твой Колюха Злой! Сам буду! — резанул по ушам Игнаха. — До седых волос дожил, да и охотник все же — неужто не сумею! Не велика, думаю, хитрость!

— Сможешь? — засомневалась Лидия. — Боров нынче больно здоров вырос — почти на быка потянет! Может, все-таки за Злюкой мне сбегать? Авось сговорюсь...

— Попустись! — прикрикнул на нее Игнаха. — Пойдешь еще кланяться! Не боги горшки обжигают! Сказал, сам управлюсь! Иди выпускай пока его под окно да калитку прикрой, не утек что-бы... Сейчас я выйду.

Он вслед за ней шмыгнул на веранду, вынул там из окна раму и отставил ее в сторону. Высунулся на улицу — обзор хороший! Под окном все как на ладони — отсюда стрелять ну совсем как в тире! А тут и боров под самым окном появился, пыхтит паровозом, обнюхивается и похрюкивает на морозе. Игнаха тазик пустой из дома притащил и ружье с пулевым патроном с собой захватил. Посудину пустую хряку под нос сунул, тот пятаком по дну поелозил и отпихнул тазик в сторону.

— Тащи ему еды! А то шныряет тут — не приладишься! — прикрикнул он на жену, а сам ружье заряжает и наизготовку берет, кабана на мушку взял. Лидия по лестнице протопала, в тазик из ведра плесканула.

— Убегай! — зычно гаркнул хозяин, крепко сжимая ружейный приклад. Лидия испуганно обернулась на крик и, обхватив голову руками, мышкой юркнула в двери. Раскатистый ружейный выстрел прогремел и эхом отозвался по всей утренней округе, с разных сторон залаляли разбуженные неожиданным грохотом собаки.

Игнаха полагал, что боров сразу рухнет наземь и начнет растягаться во всю свою длину немереную. Но когда облако копоти — порох, видать, еще давний был, дымный, — рассеялось, Игнаха обомлел: боров стоял как ни в чем не бывало и даже похрюкивал — обычно он такой звук издавал, когда его по спине почесывали. Но от тазика с едой отошел, стоял нарасшарагу, будто борец на ринге, и неповоротливо крутил головой. Тут хозяин и заметил оплошность свою: промазал! Ухо у борова стало дырявым, да и второе тоже. Из ранок тонкой струйкою сочилась кровь и метила красным уже истоптанный им белый снег.

— Ну, ты и удумал! — заглянула на веранду к мужу Лидия и кивнула на улицу. — Чего там?

— Чего-чего? — сердито зыркнул на нее Игнаха. — Да ничего! Сходи да посмотри! Чай, не на небесах сидишь...

Лидия послушно спустилась по ступенькам, открыла дверь и с опаской, не опуская из рук дверную скобу, осторожно вышла на улицу. Потом истошно закричала, хлопнула дверями так сильно, что даже простенки задрожали. Она пулей влетела вверх по лестнице, даже ступенек крутых не заметила и, не помня себя, юркнула к

мужу на веранду, чтобы под защиту скорее брал.

— Ой! Что же делать теперь будем? — вцепилась она в мужа. — Теперь к нему на версту не подступишь — бросается как собака! Изуродует!

— Не ханькай ты! — отстранил ее Игнаха. — И сама как собака — на всю деревню скулишь! Как-нибудь доканаем! Тащи-ка патронташ, он на кухне на гвоздике повешен!

Лидия спешно в избу прошлепала, а Игнаха в окно глаза пялит и сам не представляет, что теперь делать. Внизу по заснеженной загородке кругами, будто боксер-победитель на арене, расхаживал рассерженный хрюкающий боров, готовый в мгновение ока броситься в атаку снова. Но противника-храбреца себе не видел.

Игнаха выбрал из патронташа патроны с дробью покрупнее, разложил их рядком на подоконнике, зарядил ружье и повел стволом. Грохнул выстрел, от забора щепки взметнулись веером и рассыпались по сторонам, боров хрюкнул и заносился кругами. Перевернулся и зазвенел опустевший тазик, из конца улицы к дому Игнахи лающей вереницей летела свора собак. Лидия стояла рядом, съежилась и вообще сжалась в комочек. Она уши свои пальцами до боли заткнула, и глаза были плотно-плотно зажмурены, склеились будто. А охотник знал свое дело — патрон заменил и снова на мушку бегущего кабана брал. Он раз выстрелил, другой... Собаки уже на калитку прыгают, рычат, скалятся, слюною пенной друг дружку обдают. Бригадир Федор Степанович тоже, видать, всполошился. Он уже к дому подбегает, на осу похожий — патронташем туго перетянутый и с двустволкой в руках.

— Сзади, сзади заходи! — замахал ему ружьем Игнаха и снова нажал на спусковой крючок. — Через калитку опасно! А ты, — обернулся на жену, — беги двери задние с засованими! Чего как мертвая стоишь! Бригадир с ружьем бежит. Сейчас мы с ним вдвоем быстро этого свирепого бугая уколошим! Беги! — крикнул он и снова грохнул из ружья. Но снова только щепки полетели...

Едва Федор Степанович показался на веранде, Игнаха встретил его вопросом:

— Пули есть?

— Откуда взялись? — на ходу ответил бригадир. — Стрелять-то в кого?

— А ты посмотри! — показал он рукой под окно. — Боров у нас, видать, одичал... Никого близко не подпускает!

Федор Степанович зарядил оба ствола дробью покрупнее, той самой, которую на волков берет, дух перевел, прицелился, но выстрелить не успел. Боров со всего маху ломанулся в калитку. Она не выдержала удара такой массы, затрещала и вообще отлетела в сторону на беснующихся собак, которые тут же поджали хвосты, замолкли и отскочили от забора на десяток шагов. Разъяренный боров бросился сначала на перепуганных псов и шавок, а потом перескочил дорогу и во всю прыть попер по полю — за ним только снег пуржится. Собаки опомнились и вслед за ним бросились, песню свою прерванную хором запели. Мужиков с веранды будто ветром в открытое окно выдуло — ружья в руки и за всей этой хрюкающей и лающей стаей побежали. Бегут, в бороздах спотыкаются, падают, поднимаются и дальше дуют. Игнаха даже шапку обронил где-то, косматым чешет. Встревоженные вороны грай подняли и в дальний лес каркаящею стаей потянули, крыльями суматошно машут, будто воздуха им не хватает. А шумливая стая все дальше и дальше — поле все поперек пересекла и в ельнике густом скрылась.

Но настигли мужики борова. Шагов за сотню от кромки леса лежит бездыханный, собаки вокруг его расселись, щетинятся, но близко не подбигаются — страх берет: зверюга перед ними нешуточный — невиданный ими, страшный, хоть теперь и не хрюкает, и ногами не дрыгает.

Игнаха руками разводит: сам кашу такую заварил — делать нечего, за санками бежать надо. Были у него такие аккуратные розвальни, на которых он по зимам копешками небольшими остатки от скирд колхозных — сено да солому — на себе домой таранил. Федор Степанович в лесу сторожем остался — тушу борова охраняет, а то мало ли что собакам на ум взбрэндит — осмелеют псы, набросятся скопом и все на клочья мелкие разорвут.

Игнаха жену свою в пристяжные взял — парой они в сани впряглись и в лес дуют по полю. В ельнике так и сяк наизворачивались,

будто зайцы напетляли, — едва добрались. Втроем под общий лай собак, которые уже осмелели и даже наглыми стали — так и норовят вцепиться зубами в затихшего борова, кое-как загрузили тушу на сани и в обратный путь тронулись. Впереди мужики парой дружно впряглись, Лидия сзади кряхтит, надрывается, собаки сторонами семянят, лаем заливаются.

Выехали на поле — стоят, дух переводят. Собаки уселись, перепышкиваются, пар носами пускают, будто и они табанят. Игнаха смотрит — навстречу им от дома его два мужика торопятся, через борозды переваливаются.

— Смотрите, — обрадованно сообщил он, — еще кто-то в помощники нам!

Федор Степанович прищурился, присмотрелся и огорошил Игнаху:

— Ага, — говорит, — жди да радуйся! Помощников тоже нашел! Это же участковый наш и охотовед районный. Сейчас еще протокол на тебя состряпают и штрафку вклеят! Мясо откуда везем? Из лесу...

— Ну, это, значит, Колюха Изжога позвонил, всех с панталыку сбил... Все время думаю, зачем только ему телефон поставили. Была бы воля моя — отпазгнул бы все провода и даже глазом бы не моргнул...

С охотоведом да участковым разговор был коротким: меньше говорили, чем хохотали на все поле, гоготали, будто гуси на перелете. Но теперь мужикам и Лидии не пришлось кишки рвать: воз не стал таким непосильным — подошедшие мужики тоже впряглись, помогли сани со столь тяжелой поклажей до дому дотащить.

Игнаха с бригадиром передохнули и стали тушу борова свежевать. А участковый да охотовед к Николаю Изжоге заглянули пожуричь мужика: нечего, мол, по пустякам разным трезвонить. Сколько они у него пробыли — ни Игнаха с женой, ни Федор Степанович не знали, не ведали. Они боровом были заняты.

А на другой день по всей деревне слух пролетел: Изжогу оштрафовали! И вовсе не за звонок ложный, из-за которого им спешно да и за такие километры мотаться пришлось, бензин жечь — он в то утро брагу на самогонку перегонял...

ДЕЛО ТАБАК

Игнаха места себе не находил, никакая работа на ум не шла, за что бы ни брался, из рук все валялось. С табаком тогда дело табак было. Ни сигарет, ни папирос по всей округе днем с огнем не сыскать. А курильщик он был заядлый, с утра до вечера чадил как паровоз. Папиросина для него была, будто пустышка-угомонка для дитя малого: отнимешь — в рев пустится!

Страдал от этого, конечно, не он один — другим курящим мужикам жизнь тоже сахаром не казалась. Соберутся вечером, друг у друга побираются, а то и чинарики по кругу пускают, и то ревностно, строго следят — лишней затяжки бы кто не сделал. А если кто-то приносил сигарету или даже пачку целую, тут у мужиков грудь от радости колыхалась и душа пела, будто в самый большой праздник. Но такое редко случалось. Чаще всего мужики страдали — табак по крохам собирали, из промокших да замусоленных окурков бережно выковыривали, в козы ножки заворачивали и по очереди присасывались к этой трубке мира. Она в эти минуты всех их друзьями делала и чуть ли не роднила даже...

А в этот раз мужики собрались у Игнахи на завалянке — и хоть волком вой! У всех карманы на выворот — даже на понюх ни у кого нет. Тоскуют они. Бригадир — тот изловчился — бороду вверх задрал и ее посасывает. Пусть, мол, и сигареты нет — рот все равно занят. Алексей Прохорович, как пес битый, сжался весь и в небо задумчиво смотрит, считает, сколько ден посылка из Кузбасса пройдет, — махорки обещали прислать какие-то родственники — седьмая вода на киселе, если еще вокруг пальца не обведут, не заставят обещанного три года ждать.

Василий-одинец к ним подошел. Он среди всех самый счастливый — не курит. Ему беды курильщиков не уразуметь, но у него другая беда — выпить не дурак: хоть ковшом каждый день подавай, проснется и снова просить будет. Мужики талдычат о своем, на него некурящего почти внимания никакого не обращают. Василий же, если ему шлея под хвост попадет, говорлив очень, да и вообще к каждой кадке затычкой становится, в любую дыру нос сует. А тут он только-только на грудь малость принял, захмелел, и

пообщаться с мужиками потребность у него появилась. Прислушался он к ним, выбрал момент и сел на свой конек, завелся — не остановить.

— Ну, чего это вы, мужики, как коты ленивые! — начал он чесать всех в хвост и гриву. — Мышей не ловите! Самим, раз дело такое, выращивать табак надо! Не кипариса какая-то, и не фрукта заморская, и у нас за милую душу растет! А вы тут нюни распустили, крылья повесили... Вырастили и табаньте сколь душа пожелает! У меня, помню, дед всю жизнь самосад смолил... Соберет с грядки, высушит, нарубит и всю зиму и в ус не дует. А вы? Сами себя морите.

— Язык у тебя без костей, мелешь и мелешь! — остановил его Алексей Прохорович. — Было время — и здесь табак садили. Тоже помню я те времена, а ты нынче попробуй!

— Да кабы курил, у меня бы и сейчас на половине грядок табак топоршился! Не поленился бы, а вырастить его не такая уж хитрость нужна, тут и агрономия не потребуется! Земли жалеете? Вот жадность да скупость вас и подводит... И земли под табак не шиш надо, на клумбе вон, — показал он на палисадник, — посадить — и то с лихвой хватит, да и цветет он тоже — сойдет и за цветы... Умный не догадается, а дурак не уразумет. Вот вам и весь расклад!

— Да дело не в земле вовсе! — возразили ему мужики. — Могли бы и по грядке целой под табак отвести, чем жить потом в маете. Семян ныне нигде не найти, если только заказывать куда-то...

— На юге где-то он растет — то ли на Кубани, то ли в Крыму. Там надо искать, — пояснил кто-то из мужиков.

Но все молчали — видимо, в тех краях ни у кого ни родственников, ни близких не было. Пока мужики судачили, рядили о том, где эти семена, для них бесценные, достать, Василий молчаливо уставился на крышу соседнего дома, словно увидел там нечто интересное, но никем не замеченное. Потом он, будто шилом его кто ткнул, оживился и снова бойко вклинился в разговор:

— Ну, мужики! Нашли тоже проблему! Надо семена искать, а вы, как плохое начальство, отговорки ищете! А я вам скажу так: семена достать — да это же пара пустяков! Делов с этим, считай, плюнуть да растереть!

— Ну и достань, раз такой шустрый! А то толь языком молотишь!

— А и достану! Да хоть сегодня, за мною не заржавеет! Что? Не верите? С кем на спор? Принесу — бутылку ставите! Да еще, — поскреб он в затылке, — за семена поллитровку и пару огурцов. Лады?

Мужики согласились с балаболом, только Игнаха на полном серьезе спросил:

— Так скажи честно: где ты эти семена найдешь?

— А я и искать не буду! У меня на чердаке полное лукошко их — еще от деда остались.

— Если есть, то наверняка невсхожие, — усомнился кто-то из мужиков.

Но Василий только усмехнулся на такое замечание:

— Вот тоже агроном нашелся! Да ты знаешь ли, что семена табака тебя переживут и никого ляда им не делается — только в землю брось, всходы как штык тут как тут появятся. Невсхожих семян табака в природе не бывает. Понял ты, агроном ученый?

Васька-одинец убежал, а мужики уже о расчете с ним толкуют, договариваются, как быть — где водки достать. Посудили, порядили и направили делегацию к Дарье Макаровне: баба хозяйственная, запасливая и поллитровку-другую всегда в загашнике держит — мало ли от мужиков помощь какая потребуется. Гонцы пока ходили да с приглуховатой старушкой столковывались, Васька уже к ним обратно огородами воротился. Он осторожно, словно горшок с кашей горячий, нес перед собой пол-литровую банку.

— Ну что, мужики, на лопатки я вас положил! Вот семена! Банка полная! Теперь расчет за вами — уговор дороже денег! Давайте выкладывайте!

Тут и мужики от Дарьи Макаровны приплелись. Говорят Ваське, как, мол, мы с тобой, таким некурящим, раньше не снюхались, сейчас бы не сидели здесь, носы не вешали. Василий водку и огурцы, принесенные Игнахой с огорода, в охапку сгреб и сторонкой-сторонкой к дому своему — исчез незаметно, будто и не было его с мужиками. Да они и не заметили бы — рады были: если уж не нынче, то на будущий год с табаком будут. Стрелять чинарики не придется, да и на сигаретах сэкономить мож-

но. Табак выращивать взялся Игнаха, он и банку с семенами себе взял.

— Грядку под табак с осени навозом конским заправлю. На нем что ни посади, как на дрожжах растет. А табаком потом со всеми подеюсь! Семян этих с лихвой хватит...

Мужики, счастливые и обнадеженные, расходились по своим домам — кто-то спать уже, кто-то по щелям да закуткам разным шарить: не уберется ли где чинарик. А из отворенного настежь окна Василия-одинца во всю ивановскую гремела музыка...

Весной Игнаха, как и сулился, не опростоволосился перед мужиками. Он еще с осени подобрал себе грядку под табак, перекопал ее с навозом конским, терпеливо дождался, когда тепло майское устоится и грозить уже заморозками не будет, посадил семена. Он с ними почти целый день копошился, землю всю перелопатил, боровки по линейке сделал и граблями заборонил. Василий-одинец тогда как раз мимо проходил. Игнаха увидел его и не вытерпел, хвастанул: так и так, мол, посадку табака завершаю! Посмотрим, дескать, насколько ты прав со всхожестью...

— А чего и смотреть? Да всхожие они! — живо заговорил Василий, от которого снова тянуло не то самогоном, не то какой-то тошнотворной ворванью. — Просто ухаживать за ними надо умеючи!

— Как это — умеючи? — округлил глаза Игнаха. — Посадил, и растите на здоровье! Земля у меня неплохая тут, с навозом перебуторена...

— Тут тонкость одна есть...

— Что это за тонкость? — заинтересовавшись, Игнаха и грабли бросил в сторону, торпливо подошел ближе к собеседнику.

— Помню это, дед еще учил... Так, на всякий случай.

— Да не тяни резину, — поторопил его Игнаха, — дело сказывай!

— А вот стакан нальешь — все как на духу выложу, ни убавлю ни прибавлю. А нет — и разговора нет! Выращивай как получится...

Игнаха не стал упускать возможности выведать такие секреты, которые знает ли кто — неизвестно, увел Василия на веранду и грани-

ный стакан водки перед ним поставил. Тот залпом выпалил и зачавкал, закусывая. Хозяин в рот ему смотрит, застыв в ожидании, когда гость водку зажуёт. А Василий прожевал, облокотился на стол — глаза у него уже навывкате сделались — промычал что-то непонятное, а потом быстро-быстро, словно торопился успеть, чтобы не упасть на столешницу и не захрапеть, затараторил:

— Поливать надо! Обильно! Чтобы земля у тебя всегда влажной была! Вот такая, — он сжал перед носом у Игнахи свою поцарапанную пятерню, — в кулак возьмешь, чтобы струя из нее бежала. Табак — растение нежное, уход, то бишь обильный полив, любит... Тогда точно взойдет и вырастет — мужики около тебя гужом виться будут!

Василий вдруг замолк, потом разошелся в чихе и опустил голову на стол. Веранда наполнилась тихим ровным храпом и не разбери поймешь какими запахами. Игнаха схватил ведра и убежал в огород табак поливать. Он не вышел оттуда, пока всю грядку не уплескал. Вода уже в бороздах по колено была...

Вечером Василий очухался и, не говоря ни слова с хозяином, убрел восвояси. А Игнаха на закате, перед тем как откинуться на боковую, еще ведер десять на грядку выплеснул. Вода из огорода аж на дорогу ручьем хлынула.

Почти неделю он жил как на иголках. Утром глаза еще не протрет — бежит грядку проверять, не появились ли всходы. Потом на всю улицу ведрами брякает — воду таскает. Поливает грядку старательно и осторожно — из лейки и через маленькую решетку, чтобы водной струей вреда посевам не нанести. И семена всходить стали! Да так дружно и густо, что, наверное, и не лукавил, не порол отсебятину Василий — сто лет пролежат, сохранятся табачные семена. Каждое, наверное, семечко взойшло, не пропало. Игнаха всю деревню сразу же облетел, мужикам весть радостную разнес — с табаком ныне будем! Мужики, хотя с сигаретами перебоев уже с зимы в деревенском магазине не было, радовались, иные даже на экскурсию к нему ходили и руку его потом с благодарностью пожимали.

Табак на грядке зазеленел, подрастать стал. Игнаха в деревне героем ходит, посева каж-

дый день поливает. Землю, как Василий учил, рукой проверяет — сожмет в кулак, сочится из него мутная струйка, значит, все чередом идет. Табак будет!

Через несколько дней табак в лист пошел. Грядка будто одеялом накрыта — пышным, изумрудным и от обильного полива атласным будто. Услыхал от кого-то про Игнахин табак Алексей Алексеевич — старожил главный в деревне, и он приковылял со своей деревянной лошадю — клюшкой-самоделкой впристежку — посмотреть, чем он там мужиков дивит. На ногах он с трудом передвигается, а глаз у старика алмаз, ни одних очков еще не примерял.

Посмотрел он внимательно, всю грядку туда и обратно обошел и не бросился в похвалу, а присел на скамеечку и задумался.

— Я, — говорит, — уже девятый десяток небо копчу. Видал, как табак растет и что он из себя представляет, сам даже выращивал не один год. Но, скажу тебе честно, такого табака я не видал. Листья какие-то странные, как и не табачьи. А вообще-то, нынче не поймешь ничего, напридумывали всякого, сортов да пород разных навыводили. Может, и табак это такой, а может, и осока болотная... Вырастет — дашь попробовать. Не курю уж давно, так хоть понюхаю самосада — запах, помню, от табака больно хорош был...

Алексей Алексеевич раскланялся перед хозяином и, кряхтя и покашливая, пошаркал калошами вдоль по улице, а Игнаха взор свой беспокойный метал то на удаляющегося старика старожилы, то на зеленеющую грядку — чем больше смотрел на нее, тем тревожнее становилось на душе. А вдруг и в самом деле осоку болотную Васька подкинул? Оттого, наверное, и поливать до одури велел...

Игнаха, домой не заглядывая, к Василию-одинцу сиганул. Застал его дома — и чуть ли не с ножом к горлу:

— Признавайся! Что за семена дал? У табака таких не бывает! Чего подсунул?

Васька руками разводит, божится, что он тут ни при чем! Семена табака еще от деда его покойного остались, на чердаке покоились — есть не просили, а потому и лежали до поры до времени. Вы просили? Я вам дал, а что там у тебя вырастет — никому неизвестно!

Игнаха понял, что с ним каши не сварить, да и, если что, с него и взять нечего — горсть волос — и только. Вспомнил, что продавщица Верка агрономом когда-то была, а значит, и разбирается, что — овес, что — пшеница и табак, должно быть, с осокой не перепутает. Игнаха — к ней, народу в магазине — шаром покати. Наедине он и выложил ей все свои сомнения, упросил пойти вместе с ним и определить, что там у него на грядке растет. Табак ли это?

Верка халат свой белый сбросила, другой немарковитый, в котором в магазине прибиралась да дрова ношами из сарая таскала, на плечи надернула. И они пошли. Перед домом своим Игнаха продавщицу вперед пропустил, сам за спиной у нее тащится и дорогу к табачной грядке показывает. Верка дорогой на быстрой ноге была — только каблучки цокали, а в огород заскочила, грядку-загадку увидела — ее будто подменили, какой-то медлительной, горбатой стала. Не идет, а будто кошка крадется, смотрит внимательно и зорко — словно мышей там высматривает. Потом вдруг встала на месте, за живот схватилась, будто схватки у нее начались, затряслась как припадочная и рухнула в борозду...

Игнаха сам чуть не упал с перепугу, хотел было в дом бежать за нашатырем и жену свою кликать, но продавщица сама подниматься на ноги

начала. На глазах у нее слезы, саму смех раздрает и хочет что-то сказать, да не может: толь начнет рот раскрывать — и снова чуть не падает, хочочет, заливается. Потом наладилась, заговорила сквозь смех и слезы:

— Это не табак! И не осока болотная! Выйди на дорогу да посмотри: там табаку такого растет — возом вези! Подорожник это! Через два-три дня и меня бы звать не пришлось, соцветия бы иглами полезли — сам бы все понял! Ну, усмешил! В цирке бывала — так не смеялась!

Она говорила еще что-то, но Игнаха не слышал ее слов. Он нахмуренно смотрел на растворенное окно Василия-одинца. Там на всю катушку гремела веселая музыка и разносилась по всей деревне.

□

Алексей Александрович АКИШИН

родился в 1952 году в дер. Паратенки (Костромская обл.).

Окончил факультет журналистики

Московского полиграфического института.

Около 40 лет работал в районной печати.

Автор двух книг прозы — «Вася-Нептун» (1995),

«На цветущем лугу» (1999).

Печатался в журналах «Охотник» (Москва),

«Губернский дом» (Кострома), «Первоцвет» (Иркутск) и др.

Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Член Союза писателей России.

Живет в селе Павино Костромской области.

